

М. И. Поступальская

ПЛЕЩЕЕВО ОЗЕРО

Москва 2014

**ББК 26.89(2Рос-4Яр)
П 63**

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Печатается по:

Поступальская, М. И. Плещеево озеро / М. И. Поступальская. — М., Л.: Издательство детской литературы, 1941.

Поступальская М. И.
П 63 Плещеево озеро / М. И. Поступальская. — М.: MelanarĖ, 2014. — 62 с.

Повесть о летней пионерской экспедиции на берега Плещеева озера. Ребята посещают торфяное предприятие, музей-усадьбу Ботик, Переславский музей, изучают жизнь колхозницы в селе Соломидино, исследуют реку Вёксу и прибрежные растения.

ББК 26.89(2Рос-4Яр)

© Мария Ивановна Поступальская, 1941.

© MelanarĖ, 2014.

Глава I. Мы собираемся

Когда Иван Дмитриевич Папанин и его товарищи собирались на Северный полюс, они устроили себе на несколько дней «полюс» под Москвой, для репетиции. Выехали за город, разбили палатки и жили в них, проверяя свои приборы и оборудование. с. 3

И мы решили сделать так же, когда собирались в экспедицию на Плещеево озеро. Выезжать нам никуда не надо было, мы и так живём за городом, на станции Отдых, недалеко от Москвы.

Палатки были разбиты в саду у Стебельковых. В этом «домашнем» лагере жили Александр Яковлевич, кое-кто из ребят, будущих участников экспедиции, и сын Александра Яковлевича Юлька.

Юльке было твёрдо обещано ещё с зимы, что его возьмут в экспедицию. А ехать собирались большие ребята. Юлька самый маленький: ему всего тринадцать лет. Он смешной, тоненький, быстрый и непоседливый, как Буратино. Только лицом на Буратино не похож. У Юльки нос не длинный, а кнопочкой, рожица круглая, и чёрные глаза расставлены немножко косо. Зато голос у Юльки! Когда он кричит у себя дома в Отдыхе, слышно на соседней станции, в Кратове. И это ещё не «полный напор». А когда Юлька кричит «на весь мир», как он выражается, — ну, тогда, наверное, слышно всюду. с. 4

Ребята очень завидовали Юльке. Ещё многие не уверены, отпустят ли их в экспедицию, достанут ли родители денег, не помешает ли что-нибудь, а уж Юлька наверняка знает, что поедет. У него и сейчас вид отважного туриста. Он живёт в палатке, спит в ней, утром умывается на воздухе, ни за что в комнаты не идёт и будит отца криками: «Папа, вставай! Температура — тридцать два, ночью были осадки!»

Особенно завидовала Юльке Оленька Красногорская. Родители ни за что не хотели её отпускать. Папа у Оленьки доктор. Он, конечно, рассуждает не как все, а по-медицински. Он находит, что Оленька слабенькая, что ей вредно утомляться, много ходить и спать на земле. Старший Оленькин брат — настоящий путешественник; нынешний год он проводит на Памире. Конечно, будь этот брат здесь, он бы заступился, уговорил бы доктора. Ведь если бы мама меня не отпускала, мой братишка Веня непременно помог бы мне. Но Оленькиного брата не было, и он только в письмах писал ей всю зиму: «Ольга, не сдавайся, прояви самостоятельность, обязательно поезжай!» Писать-то ему хорошо, а проявлять самостоятельность не всегда легко.

Училась Оленька весь год на «отлично». Как принесёт из школы хорошую отметку и видит, что папа доволен, она и начинает такой лисанькой-кисанькой ходить около него:

— Папа, я поеду на Плещеево озеро?

— Опять ты за своё, Оленька! Сказано ведь уже, что на озеро я тебя не пушу.

Папа рассердится и уткнётся в газету, а через три дня тот же разговор.

Я очень хотела, чтобы Оленька поехала с нами. Она моложе меня и по возрасту мне в подруги не подходит, но девочка очень толковая. Дома её балуют и очень за ней следят, это сразу видно. Она такая беленькая, всегда аккуратно одета, скромная. Но её балуют, а она не избаловывается. Оленька простая, «не задаётся», как говорят ребята, не неженка, никогда не жалуется, если трудно, и товарищ хороший. Кроме того, она понимает смешное. А это, по-моему, очень важное качество в человеке. Есть ведь такие унылые типы, которых рассмешить невозможно. с. 5

Я посоветовала Оленьке весной, когда Александр Яковлевич уже составлял списки и надо было решать дело окончательно, привезти папу к нам в Отдых. Она так и сделала, и,

должно быть, доктору понравились наши палатки, и голоногий коричневый Юлька произвёл на него впечатление. Доктор вдруг подобрел, стал расспрашивать Александра Яковлевича про экспедицию, про то, как там ребята будут питаться и спать, а потом сказал:

— Ну, Оленька, если ты обещаешь мне не лежать на сырой земле и не пить сырой воды — так и быть, поезжай!

Оля так обрадовалась, что едва не заплакала, а Юлька потом всю экспедицию изводил её:

— Красногорская, не ходи по земле, сыро, подстели веточек!

— Ой, что ты делаешь! Не ешь борща, он ведь из сырой воды!

Глава II. Наш А. Я.

Я начала свой рассказ с середины, но, перечитав написанное, решила, что нужно рассказать подробнее про Александра Яковлевича и про наш кружок.

Александр Яковлевич Стебельков — преподаватель географии в Кратовской школе, где учусь я и мои товарищи. Живёт Александр Яковлевич на станции Отдых. Дом, где живу я с папой, мамой и братом, совсем близко от дома Стебельковых.

Я очень, очень рада, что Александр Яковлевич существует на свете. Ведь это он помог мне понять, чего я хочу от жизни. Я буду географом-исследователем. Правда, как это хорошо звучит? Многие ребята, уже кончающие школу, до последней минуты не знают, куда они пойдут. Всё как будто их интересует: и литература, и радио, и химия, но сделать выбор они не могут. А я с шестого класса знаю свою будущую дорогу — и всё Александр Яковлевич.

с. 6 Он у нас худой, высокий и совсем молодой. Многие, увидев его в первый раз, думают, что Александру Яковлевичу лет двадцать пять. Но ему гораздо больше, он уже девятнадцать лет преподаёт географию. Только близко присмотревшись к Александру Яковлевичу, видишь, что у него тёмные волосы точно припудрены. Они похожи на мех чернобурки, в нём тоже много таких серебряных нитей.

Александр Яковлевич всегда ровный, спокойный. Раздражённым и резким его никогда не увидишь, как бы он ни устал. Не любит он лени и разгильдяйства и на ленивых ребят крепко сердится, но со стороны это почти незаметно. Только брови у него хмурятся в такие минуты и говорит он медленнее, чем всегда.

Между собою мы называем его не Александр Яковлевич, а просто «А. Я.» В школе часто слышишь: «А ты А. Я. спросил?», «Ну, что А. Я. сказал?»

Как Александр Яковлевич знает и любит географию, говорить не буду. Это понятно, если своим ученикам он умеет передать такую любовь к этой науке.

В школе у нас работает географический кружок, и в летнее время кружковцы совершают экскурсии. Впрочем, А. Я. у нас гордый. Он говорит не «экскурсия», а «экспедиция». И правда, наши путешествия больше похожи на экспедиции. Экскурсия — это когда ребята идут куда-нибудь недалеко, посмотрят, что там есть, послушают объяснения и идут домой. А мы приезжаем в неизвестные нам места, разбиваем палатки, живём, как путешественники, и изучаем всё сами.

После первой же нашей поездки я стала совсем другими глазами смотреть на мир и поняла, как интересно передвигаться с места на место и узнавать всё новые края. Мы тогда ездили на озеро Селигер, и экспедиция очень удалась, хотя лето было сырое и мы часто мокли под дождём. Если посмотреть на некоторые географические карты, то кажется, будто из озера Селигер вытекает Волга. Но это неправда. Мы сами видели село Волгино Верховье и около него небольшое болотце. Вот откуда берёт своё начало могучая Волга!

с. 7 Но член экспедиции должен не только смотреть по сторонам и удивляться. Он должен и работать. Тогда я ещё этого не понимала. Надо было написать отчёт о нашем путешествии, а мне очень не хотелось. Я тогда думала, что вся эта писанина ни к чему. Ведь я и так помню всё, что видела. А. Я. долго доказывал мне, что так рассуждать могут только закоренелые эгоисты или отчаянные лодыри. Я совсем не хочу быть эгоисткой — пришлось признать, что скорее я лодырь. «А лень, — говорит А. Я., — всегда можно преодолеть».

Конечно, отчёт я написала и теперь уже так не рассуждаю.

Мы хотим объездить и осмотреть все самые интересные места нашей страны. Мечтаем об Алтае и Урале, о Сванетии и Средней Азии. Но средств у нашего кружка немного,

и осилить далёкую поездку нам пока трудно. Мы не очень горюем об этом. Непременно увидим и голубой Самарканд, и пески Кара-Кумов, и горное озеро Севан. А пока мы изучаем то, что нам доступно. Интересного так много кругом! А. Я. говорит, что совсем близко от нас скрываются замечательные земли, только люди о них мало знают. Говоря об этом, А. Я. всегда повторяет слова Пушкина: «Мы ленивы и не любопытны».

Вот и Переславль недалеко от Москвы, а знают его немногие. Александр Яковлевич был там и рассказал нам об огромном светлом озере, о великолепных лесах, о множестве разной птицы и рыбы. Мы начали изучать этот край, читать книги о нём, и нам захотелось как можно скорее увидеть его.

Город Переславль был когда-то основан Юрием Долгоруким на Плещеевом озере. В ту пору Переславль был отделён от Киевской Руси дремучими, непроходимыми лесами и проехать из Киева в Переславль было трудно и опасно. Поэтому киевляне и прозвали этот край «Залесским». На этом же озере бывал в молодости Пётр I. Вокруг Переславля сохранилось много памятников старины.

Мы все работаем в географическом кружке, но среди нас есть зоологи, ботаники, геологи, художники, рыболовы. Мы решили, что Переславский край для всех интересен. Есть над чем поработать любителям старины, есть материал для коллекций ботаникам и зоологам, а всем нам, как географам, край должен дать очень много. Рельеф его разнообразен, есть и равнины, и холмы, и леса, и большой водный бассейн.

К испытаниям в этом году мы готовились особенно серьёзно. А. Я. предупредил заранее, что тех, у кого будут плохие отметки, он в экспедицию не возьмёт. Трудно сидеть за книгами, когда впереди ждут незнакомые леса и луга, где сизый дым походных костров поднимается к звёздам, где ещё невиданные травы и цветы качаются на ветру.

Но мы мужественно отгоняли от себя эти соблазнительные видения и занимались, «как звери». Все перешли в следующие классы с честью. Перешла и я в девятый класс. Отметки у меня отличные все, кроме одного «хорька» по-немецки.

Наконец — последнее школьное собрание. Нам прочитали отметки, поздравили с окончанием учебного года и отпустили до осени. Мне всё казалось, что ещё нужно волноваться, спешить, что впереди ещё много работы. И когда я окончательно поверила в свою свободу, мне хотелось прыгать и визжать, как маленькой.

Мы выходили из школы вечером. Деревья покачивали верхушками и дружно шумели. Было свежо. Шустрый, уже успевший загореть Юлька, сбежав с высокого школьного крыльца, крикнул:

— Теперь близко Плещеево озеро! Смотрите, вот оно!

Мы посмотрели в широкую просеку между деревьями. Вечернее небо переливалось вдали голубым серебром, словно живая вода нашего озера.

с. 8

Глава III. Мы уезжаем

В день отъезда Александр Яковлевич велел ребятам собраться на станции Отдых к часу дня. Но уже с десяти часов утра двор Стебельковых полон. Под деревьями сложены рюкзаки, мешки с продуктами, котлы для варки обеда, громадные чайники. Около этих вещей хлопочет моя мама.

Немного странно отправляться в экспедицию со своей собственной мамой. Но у нас так вышло, что мы едем всем семейством: я и брат Веня как члены экспедиции, а мама как завхоз. Ведь мама моя педагог и работает в той же школе, где мы учимся.

Ребята немножко шальные, точно разучились тихо говорить; кричат и смеются без умолку. Я сдерживаюсь изо всех сил, но всё-таки мама часто взглядывает на меня и сокрушённо качает головой: «Ах, Тоня, Тоня!»

Олег Жуков, или Жучок, возится с аптечкой. Олег высокий, голубоглазый и совсем не похож на жука, но его так прозвали ещё в первом классе, и до сих пор долговязый девятиклассник откликается на это прозвище. Двадцатый раз Олег перекладывает с места на место градусники, бинты, вату.

— И, наверно, все эти медикаменты никому не понадобятся. Зря берём. Никто не заболет, — ворчит он.

Но врачебная помощь, оказывается, нужна немедленно. Галя Козлова опоздала и так бежит, что толстые косы бьют её по щекам, а в рюкзаке за спиной что-то звенит. Не добежав

с. 9

до нас нескольких шагов, она спотыкается о корень дерева и растягивается на земле во весь рост. А рост, надо сказать, не маленький! Галя уверяет, что совершенно не ушиблась, а сама всё оглядывается, не видел ли Коля Белов, как она растянулась. Это они, оказывается, неслись наперегонки от станции.

Коля подходит медленно, спокойно. Вид у него такой, словно он и не бегал и ничего не видел. Галя понемногу успокаивается, но Коля, свалив с плеч рюкзак и опускаясь на траву, говорит как ни в чём не бывало:

— Ты йодом помажь коленку-то. Говорят, помогает...

По приказу А. Я., несмотря на все отговорки Гали, Жучок мажет ей коленку йодом и забинтовывает.

Подходят ещё ребята, многие с родителями. Здесь и доктор Красногорский. Вид у него опять какой-то не очень ликующий: наверное, жалеет, что отпустил Оленьку. А. Я. читает ещё раз наш устав; Тот, кто нарушит его, немедленно исключается из состава экспедиции. Некоторые пункты устава не нравятся ребятам.

— Неужели никуда из лагеря нельзя самовольно отлучиться? Всякий раз спрашиваться — язык устанет! — ворчит Ваня Семин.

Зато родители строгостью устава довольны.

А. Я. проверяет по списку, все ли взяли нужные вещи. Потом начинается переключка ребят и распределение экспедиционного имущества. Каждому, кроме своей поклажи, надо нести чайник, или палатку, или мешок с крупой.

Брат мой Веня заведует рыболовным хозяйством — бреднем, удочками. Юлька уже сочинил про него песенку. Она начинается так: «Бенедикт в Берендеево с бреднем бредёт...»

— Ну и глупо! — говорит Веня. — Я не Бенедикт вовсе, а Венедикт.

с. 10 Мы уже выходим со двора и мой папа машет своей белой фуражкой, как вдруг сзади слышим:

— Ну вот, так и есть! Опоздали!

Оборачиваемся и видим незнакомого мальчика и с ним женщину — вероятно, мамашу. Оба красные, усталые.

— Вот ещё один путешественник, — говорит женщина. — Возьмите уж его с собой! Замучил меня совсем, хочет ехать с вами — и баста.

— Позвольте, — удивляется А. Я. — Ты откуда? Как твоя фамилия?

— Савченко Женя, — отвечает мальчик.

— Но ты ведь не из нашей школы?

— Нет.

— А это экспедиция географов Кратовской школы. Посторонних мы не берём. Понятно? — объясняет Венедикт.

— У нас в школе географического кружка нет, — тихо говорит Женя, — а я... я так люблю географию! Пожалуйста, примите меня! Я как только узнал про вашу экспедицию, так сразу решил ехать с вами.

— Что же ты раньше не пришёл договориться?

— Боялся, что вы откажете.

Ребята хохочут.

— Значит, решил прийти в последнюю минуту? Авось, мол, от неожиданности растеряются и согласятся. Так, что ли? — говорит Олег.

— Да ты, наверно, ничего нужного не захватил с собой? — спрашивает А. Я.

— Как же, — волнуется Женина мама, — всё есть. Он уже заранее проведал, что ваши ребята берут с собой. И продукты взяты по норме и бельё.

А. Я. молча смотрит на Женю. Непорядок, конечно, но, видно, парень в самом деле очень хочет ехать. Женя волнуется, кусает губы.

— Ну как, ребята? — спрашивает А. Я.

— Взять его! — решают ребята.

Женя счастлив, он торопливо прощается с матерью, и мы спешим на станцию.

В Москве, на Северном вокзале, нам сразу отводят вагон, и мы начинаем устраиваться так энергично и шумно, что родители пугаются:

— Ну, если они всё время будут себя так вести, то не много наработают.

с. 11 — Не страшно вам, Александр Яковлевич, везти таких сорванцов?

А. Я. улыбается. И то, наверное, только из вежливости. Он знает, что когда нужно, ребята умеют и работать и относиться к делу серьёзно.

До отправки остаётся ещё две минуты, и тут я вижу, что по платформе бежит Сергей Иванович Шустов и ищет нас. Мама моя кричит:

— Батюшки, Александр Яковлевич! Ведь у него борщ! Борщ у него!

— Какой борщ? Что вы, Анна Ивановна?

— Сухой борщ в кубиках он обещал привезти — и вот опоздал! Поезд-то уходит!

Александр Яковлевич выскакивает на площадку и принимает от Сергея Ивановича квадратные коробочки. Как их много! Поезд трогается, провожающие что-то кричат, машут платками, а Сергей Иванович бежит рядом с вагоном, и всё мелькают в воздухе красные пакетики. Наконец всё.

— Ну, спасибо! — кричит А. Я.

— Фу! — вздыхает Сергей Иванович и вытирает лоб. — Устал же! Ребятам скажите...

Но паровоз выпускает пар, колёса стучат, и что именно хотел Сергей Иванович сказать своим ребятам Олегу и Игорю, которые едут с нами, им придётся услышать только после возвращения.

Глава IV. Ехали и приехали

В вагоне жарко. Перед отъездом брат мой Веня принёс два больших чайника воды. Сначала ребята чинно пили по очереди, потом кто-то набрал воды в рот и обрызгал соседа. Девочки завизжали, и пошла кутерьма.

— Квадратный! Противный! Не смей! — кричит Наташа Саранская. Её мокрые косички смешно торчат в стороны, платье всё залито водой.

Но Коля Белов продолжает поливать Наташу.

— Ты же у нас яблочко, а яблочко нужно поливать, чтобы хорошо росло, чтобы румяней было.

«Яблочком на тарелочке» Наташу прозвала я. У неё такие румяные щеки, что когда Наташа надевает круглый воротничок, она точно спелое яблочко на белой тарелке.

Я хочу успокоить их, прекратить возню, но мне лень двигаться и говорить — так жарко. Я сижу в сторонке и вяло соображаю, почему Колю зовут «Николаем в квадрате» или просто «Квадратным». Наверное, потому, что он Николай Николаевич. Подумаешь, как важно! «Очень важно, очень, очень...» выстукивают колёса, и кажется, я сейчас засну, сейчас начну клевать носом. Но голос А. Я. выводит меня из оцепенения:

— Вы что же это? Девятиклассники! Тоня, а ты что смотришь? Кто обещал мне помогать? Прекратите сейчас же! Давайте проверим ещё раз, кто какую работу будет вести в экспедиции.

А. Я. всегда умеет во время самой яростной возни предложить что-нибудь интересное. Ребята стихают, окружают его и через минуту снова начинают шуметь, но это уже совсем другой шум — деловой.

— Так ты, Муза, — бригадир метеорологов? На тебе лежит обязанность измерять температуру воздуха и воды, следить за осадками, составить таблицу климата местности. Понятно?

Муза Веселова, серьёзная, черненькая, в очках, кивает. Эта работа ей нравится. Муза и дома ведёт метеорологические наблюдения, составляет отчёты о погоде.

Слава Арканов и Веня хотят работать над историей и экономикой края.

Оленька Красногорская будет бригадиром группы ботаников. С ней должны работать Галя Козлова, Наташа Саранская, Надя Маркова.

Толя Бессонов и Николай Квадратный займутся гидрологией.

Игорь Шустов и Олег Жуков — зоологи. Они должны исследовать животный мир озера. Игорь перекладывает свои скляночки, мензурки, морилки и сачки. Вид у него при этом немножко испуганный. Легко ли такое хрупкое имущество уберечь!

Мне поручен отчёт по географии района.

— Только смотри, писанины будет много! — дразнит меня А. Я.

Ладно, я теперь писанины не боюсь.

Я смотрю на ребят и думаю, как человек меняется, когда занят интересным делом. Как он оживляется, насколько сам становится интереснее. Может быть, тот же Олег Жуков

сегодня утром ворчал, лениво одевался, капризничал или ссорился с матерью из-за того, какие ботинки надеть, а сейчас он так весело озабочен, такой уверенный и покладистый.

с. 13

А. Я., как будто отвечая на мои мысли, говорит:

— Была бы охота, а справятся все.

Проходят часы. Мы проезжаем пышными лугами. Дачи давно уже исчезли. В сочной зелени травы мелькают иногда голубые пятна — кустики незабудок. Деревья бегут непрерывной полосой, словно разворачивается бесконечный хоровод. Тоненькие, блестящие и какие-то жалобные берёзки ещё тоньше и жалобней кажутся рядом с соснами. А у этих — спокойная тёмная зелень и крепкие светло-коричневые стволы.

Я стою у окна с Толей Бессоновым.

— Мне хочется, когда я вижу такие места, сойти с поезда, везде побегать и всё посмотреть. Вот на этой травке полежать, в этом озере искупаться.

— А мне, — говорит Анатолий, — хочется всё дальше и дальше. Кажется, что впереди ещё лучше.

— Смотри, какие мы разные!

Мы не успеваем решить, почему это так. Приехали. Станция Берендеево.

Все хватаются за рюкзаки, мешки, свёртки. Мальчики из окна подают продукты. Мама считает, сколько мест, и всё время сбивается.

Хлоп! Мешок с сахарным песком шлёпается на землю, разрывается, и тонкая белая струйка бежит из него.

— Верёвочку, верёвочку, Веня! — кричит мама. — Завяжи покрепче. Смотрите, что наделали, наверно кило полтора утекло!

Ребятам нравится, что сахар «утекает». Опять смех и гомон. Но вот сахар завязан, все вещи собраны. За маленькой деревянной станцией, закрытой деревьями, стоит старый, с выбитыми стёклами автобус.

Темнеет. В кустах робко поскрипывает птица. Пахнет сырой травой, болотом, дымком полевого костра.

— Молодым месяцем пахнет! — говорит Оленька нараспев и закидывает кудрявую голову.

Молодой месяц, очень тоненький и светлый, висит над берёзами.

— Месяц на кусочек сыру похож, — важно заявляет Николай.

— Ты, Квадратный, не зря сыр вспоминаешь. Наверно, есть хочешь? — спрашивает Олег.

— А что же, и хочу! — соглашается Николай.

с. 14 — Садитесь, устраивайтесь, — торопят нас мама и А. Я. — Есть будем уже в Переславле. Дорога ещё дальняя. Автобус ждать не станет.

Наконец все размещаемся, кто на лавочках, а кто на вещах. Автобус, скрипя и пыхтя, трогается, и мы сейчас же подсакиваем на своих местах, а Галя Козлова ударяется головой о перекладину.

— Это не автобус, — говорит Олег, — это автокляча!

Машина действительно старая, разбитая, она так стонет, что я боюсь, как бы весь наш «дилижанс» не рассыпался.

Проезжаем в темноте мимо неизвестных лесов и полей. Всё сильнее тянет ночной свежей прелестью. Деревни уже затихли, кое-где слышны ещё ребячьи звонкие голоса.

Автобус не освещён, дорога идёт то вверх, то вниз, сильно потряхивает.

— Язык прикусишь, не болтай! — останавливает меня мама.

— Я не болтаю, я только хочу спросить: почему Берендеево?

— Потому, что жил здесь царь Берендей, — выпаливает Юлька.

— Почему Берендеево, я не знаю, — говорит А. Я. — Может быть, жили здесь когда-то берендеи, только не цари. Берендеями в старину назывались некоторые кочевые племена. Известно только, что здесь было когда-то большое Берендеево озеро, оно мелело постепенно и обратилось в болото. А край этот старинный, лесной, сказки здесь должны были родиться. Может быть, и поэтому Берендеево. А кстати, книжку Пришвина «Родники Берендея» кто-нибудь из вас читал?

Оказывается, знают эту книгу только трое, и А. Я. обещает, что мы будем читать её в лагере по вечерам.

Ой, хочу, хочу скорее к костру, в свой собственный лагерь!

Тусклые огоньки. Город. Долго едем вдоль низеньких домиков. Иногда линия их прерывается громадой церкви. Автобус останавливается, и сейчас же гаснут все фонари. Двенадцать

часов. Для Переславля это глубокая ночь. Полная темнота. А. Я. зажигает карманный фонарик.

Сонные, усталые входим в какое-то деревянное новенькое строение, пахнущее свежей сосновой смолой. Это автобусная станция. Приветливая сторожиха приносит самовар. Закусываем и укладываемся спать на столах, на лавках, на полу. Девочки ещё шепчутся, фыркают и спорятся топотом, а я уже «еду в сон», как говорил Венья, когда был маленький. Ужасно быстро еду, прямо несусь. До свидания!

с. 15

Глава V. Все знакомы

Рано, с солнцем, мы поднимаемся и выходим на воздух. Замечательно интересно узнавать то, что ночью только угадывалось! Большое строение оказывается белым зданием гостиницы, а пустырь — площадью. В темноте казалось, что наш приют стоит на берегу какого-то большого оврага, а это вовсе не овраг, а река Трубеж, впадающая в Плещеево озеро. И почему-то мне думается: «Ну, конечно, река», словно я и ночью знала, что это река и только притворяется оврагом. И слово «Трубеж» кажется знакомым, давно слышанным. Спрашиваю А. Я., почему это так.

— Неудивительно, — говорит А. Я. — Мы о Трубежах немало толковали в кружке. Ну-ка, быстро вспомни, что ты о них знаешь? с. 16

Я действительно сейчас же вспоминаю, что в древней Руси были известны три Переславля: Южный или Русский — теперь город на Украине, Переславль Рязанский — нынешняя Рязань и Переславль-Залесский. Каждый из этих городов стоит на реке Трубеже.

Наш Переславль прежде назывался Переяславлем, а с половины XV века за ним утвердилось сокращённое название, без «я».

Когда половцы начали сильно тревожить юг России набегами, грабить жителей, жечь города, уводить скот, люди стали переселяться. Придя в отдалённую Суздальскую землю, они принесли сюда южнорусские названия своих родных городов и рек.

— А таких повторений имён много у нас в стране? — спрашивает Оленька.

— Очень много, — отвечает А. Я. — Звенигородов на Руси было несколько. Имена речек Лыбеди и Почайны встречаются и в Киеве, и в Рязани, и во Владимире-на-Клязьме. В Московской области есть село Киево, приток Оки называется Киевка, в Тульском крае есть деревня Киевцы.

— А в Северной Америке, — говорит Толя Бессонов, — там по названиям городов можно повторять географию почти всего мира.

— Верно, — соглашается А. Я. — Там есть и Петербург, и Каир, и Орлеан. Переселенцы принесли с родины названия для своих посёлков на новой земле.

А. Я. сегодня весело шуритса и ходит быстро, почти бегом.

Он с Веней и Толей идёт нанимать лодку, чтобы перевезти наши вещи на место стоянки.

Ребята встают, мама хлопочет с завтраком. Юлька уже, наверное, обегал весь город. Он вылетает из-за угла красный, размахивает большой палкой и кричит:

— Сейчас воду пустят! У них знаешь как, Тоня? В двенадцать часов ночи воду запирают, чтобы водокачка зря не работала. А фабрика здешняя текстильная знаешь как называется? «Красное эхо». Почему так? Разве зелёное эхо бывает, вообще цветное?

Едва успеваем допить чай, как по Трубежу подплывают две лодки. В них А. Я. и наши мальчишки. Гребут двое рыбаков — старик и молодой.

— Грузите вещи! — командует А. Я. с. 18

Лодки нагружены до отказа. Они поплывут по Трубежу и через озеро к нашему будущему лагерю.

Мы все решаем идти пешком. Только Галя поедет в лодке. Коленка, ушибленная вчера, ещё болит, и ей трудно ходить. Вчера? Как странно!..

— Тебе не чудно, что ты только вчера утром ушибла коленку? — спрашиваю я Галю.

— Очень чудно. Кажется, что это давно уже было, как будто много времени прошло.

— Значит, приехали наш город и озеро посмотреть? — спрашивает старший рыбак. — Вот и хорошо. Озеро у нас знаменитое.

— А чем знаменитое?

— Тучи его боятся. Большая туча, чёрная соберётся, ползёт, ползёт к озеру, а как дойдёт до середины — вся и рассыплется облачками, и нет ничего.

— Значит, над озером никогда дождя не бывает? — спрашивает озадаченный Юлька.

— Ну, как не бывать, бывает! — усмехается другой рыбак и косится на старшего.

Рыбаки помогают Гале устроиться поудобней, и лодки медленно скользят по Трубежу.

Мы идём городом. Переславль — деревянный тихий городок, одноэтажные домики окружены палисадниками. А сколько церквей! Одна белая, вся словно точёная. А. Я. говорит, что это древний храм Спасо-Преображения, построенный в 1152 году Юрием Долгоруким.

И опять церкви кажутся знакомыми — на картинках, наверное, видала такие.

— Сейчас увидим городской вал, — говорит А. Я.

— Какой он, вал? Земляной? — допытывается Юлька. — Чёрный?

— Земляной, конечно, — отвечает Муза Веселова, — только, наверно, не чёрный, а зелёный. Травой зарос.

Вал оказывается не чёрным и не зелёным, а ярко-жёлтым. Он густо покрыт жёлтой сурепкой. Такой весёлый, неожиданный вал в старом городе!

Странно стоять на этом волнующемся жёлтом валу и смотреть вниз на город. От слабого, но настойчивого запаха сурепки кружится немножко голова. Сколько раз брали приступом этот городской вал, сколько мёртвых лежит в этой земле! Бывала она, наверное, не раз красной от крови, а сейчас заросла мирным жёлтым сорняком, и стою на ней я, девятиклассница Тоня. Ветер треплет волосы и старенький пёстрый сарафан, а сердце замирает от какой-то непонятной радости.

с. 19

Встречные люди оглядывают нас приветливо, но не очень удивляются. Многие спрашивают:

— Московские ребята? Приехали Переславль посмотреть?

— Тебе не кажется, — говорю я маме, — что все словно знакомы сегодня? Говорят с нами, как со своими, никто не удивляется?

— В прежнее время на маскарадах вывешивали надпись: «Сегодня все знакомы», — говорит мама, не слушая меня.

— Но ведь это не маскарад.

— Нет, Тоня, — говорит А. Я., — не маскарад. Это наша обыкновенная, простая жизнь. И в любой уголок нашей страны можешь приехать и везде найдёшь знакомых.

Вот оно наконец, Плещеево озеро! Такое оно большое и светлое, что я зажмуриваю глаза. И, должно быть, день сегодня необыкновенный, волшебный, потому что и озеро кажется мне родным, знакомым, точно я долго не видала его и теперь рада встрече. Или — как бы это выразить? — будто оно всегда во мне было, только забылось, а вот теперь вспомнилось.

Высоко над озером облака белизны необыкновенной, а ниже, словно клочья облаков, лёгкие птицы — чайки. И просторная такая гладь, ни одного островка на озере.

Глава VI. Наш лагерь

Ребята кричат, машут руками и шапками, приветствуя озеро и чаек. Юлька кувыркается на мокрой от росы траве. Потом девочки заводят песню. А мне даже говорить не хочется — так хорошо.

Идём по узкоколейной железной дороге. Она тянется вдоль озера, а куда ведёт, мы ещё не знаем. Идти по шпалам трудно, скоро начинаешь уставать. Расстояния между шпалами разные, и приходится делать то большие, то маленькие шаги.

с. 20

— Стой! — кричит Юра Васильков. — Придумал! Разбейтесь по парам. Теперь каждая пара становится на рельсы. Руки друг другу на плечи — и шагом марш!

Правда, так идти, во-первых, гораздо легче, а во-вторых, интересней. По рельсам в одиночку долго не пройдёшь, часто оступаешься, а вдвоём очень удобно — поддерживаешь друг друга.

В стороне от нас остаётся белый монастырь на зелёной горе. Это исторический музей. Ещё несколько километров, и слева, тоже на горе, — густой парк и в нём какие-то строения.

— Ботик — усадьба Петра Великого, — объясняет А. Я.

— Ботик? Не может быть! — сейчас же откликается Юлька.

— Почему не может быть?

— Не носил Пётр Великий ботиков! Что это за ботик? Ещё калошей бы назвали усадьбу!
 — Он ботфорты носил, — вмешивается Валя Веселов. — Я знаю, это такие сапоги.
 Наверно, ботфорт, а не ботик.
 — Чудаки! — смеётся А. Я. — Ботик — это не обувь, а лодка.
 — Бот Петра Великого?
 — Вот-вот.
 — Где он? Он цел? Там, в усадьбе? И нам покажут? Пойдёмте туда! — волнуются ребята.
 — Товарищи, нам надо устроиться сначала на новом месте, а потом начнём изучать его.
 Имейте терпение.

Солнце припекает сильнее. Ребята устали, раскраснелись, но идут без жалоб. Мама показывает мне глазами на Олю Красногорскую. Маленькая, худышка, а шагает храбро.

Идём часа три. Я уже еле передвигаю ноги и с надеждой посматриваю на А. Я., не остановится ли. А он всё идёт одинаковым, размеренным шагом.

Когда и усталость куда-то делась и стало казаться, что так идти можно без конца, А. Я. останавливается и что-то говорит Юльке. Юлий бежит к нам с воплем:

— Здесь, здесь! Вот этот мостик перейдёте — и дальше не надо.

— Да что ты горланишь? Слышим!

— Я, когда бегу, молчать не могу. Обязательно должен кричать. А папа, то есть А. Я., сказал: «У тебя здоровая глотка. Крикни ребятам, чтобы остановились». Должен же я оправдать!

— Что оправдать?

— Да глотку же!

с. 21

Переходим бревенчатый мостик, и, как воробьи, ребята спрыгивают с насыпи. Хорошо здесь! Если идти прямо от озера, перед нами небольшой пригорок и на нём зелёная поляна. Здесь будет наш лагерь, у опушки леса, возле небольшой речки Куротни. Она впадает в озеро и так густо заросла ольховником, что её не видно. Кажется, что по поляне, извиваясь, тянется цепь тёмно-зелёных кустов, и только когда подойдёшь совсем близко, среди ветвей блеснёт полоса воды. Она в Куротне не такая светлая, как в озере.

— Понятно, — говорит Бессонов: — речка течёт по тёмной почве и затенена кустами, а в озере дно песчаное.

На сверкающем зеркале озера виднеются наши лодочки.

— Скоро и багаж прибудет, а пока давайте колья вырубать для палаток, расчищать место для лагеря. Кто хочет, перед работой может выкупаться, только остыньте сначала.

Ух, с каким наслаждением лезем мы в воду! Она тёплая, ласковая, только озеро оказывается очень мелким. Долго-долго нужно идти по воде, прежде чем поплывёшь. Озеро у берегов сильно мелеет.

— И хорошо, — радуется Оля: — утонуть нельзя.

Вот и наши лодки подходят. Мальчики цепляются за них и чуть не топят.

— Ну, вы, пескари! — отмахивается от них старший рыбак. — Аккуратней, а то весь провиант свой погубите.

Выгружаем вещи на берег и уносим к месту стоянки.

— Ну, цыганята, стройте свой табор да смотрите живите веселей.

— До свидания! Спасибо.

Рыбаки уезжают.

Наш лагерь похож на муравейник. Ребята бегают взад и вперёд, суетятся. Старшие мальчики роют яму для очага. Другие рубят колья для палаток. А. Я. командует:

— Давайте поднимем флаг!

Работа идёт дружно. Весело полощется по ветру наш алый флаг. Сколочен стол, сделан шалаш для дежурных. Вся привезённая с собой посуда — мисочки, ложки, кружки — сложена в большую круглую корзину. С палатками возимся долго. Наша, «девчонская», всё время падает, пока наконец мальчики не помогают нам как следует натянуть верёвки.

с. 22

Галя, Оленька и я идём в лес, чтобы набрать сухой травы и веток для постелей. В лесу ветерок тихонько шумит в соснах и гомонят кузнечики. Они выскакивают с сухим треском из травы и падают обратно. Мы приносим в лагерь вороха мягкой сухой травы и веток можжевельника с сизыми матовыми шишечками. А когда выходишь из лесу и глаза разбегаются по широкому простору озера, опять словно узнаёшь его и радуешься про себя.

Кончена и эта работа. Постели у нас будут замечательные. А какую печку соорудили ребята! Это большая яма. В ней пылают сухие сучья, а сверху положены перекладыны —

куски рельсов, найденные мальчиками около узкоколейки. В котлах булькает, шипит; закипает и огромный чайник.

— Обедать! Обедать! — сзывает нас мама.

— Пойдите, Анна Ивановна!

Женя Савченко живо привязывает к шесту обломок рельса и другим обломком колотит по нему. Получается громкий и, по мнению Юльки, «очень даже приятный» звук. Теперь у нас есть собственный гонг.

Первый обед в лагере удался на славу. Всё так вкусно, что мисочки пустеют в одно мгновение. Борщ с копчёной грудинкой — объедение, а пшённая каша, крутая, политая маслом, гораздо вкуснее, чем дома. Все просят добавки.

— Нравится? — беспокоится мама. — Пригорела она немного.

— Это ничего. Так вкуснее, с дымком.

— Это каша лесная, кочевая. Она должна костром пахнуть, — говорит Юлька.

Назначаются дежурные на ночь и на завтрашний день. С утра надо пойти в колхоз за молоком и яйцами. Хлеб нам будут доставлять из города те же люди, что возят продукты в пионерский лагерь. А. Я. договорился об этом с райкомом комсомола ещё в свой первый приезд в Переславль.

Александр Яковлевич ударяет в гонг:

— Дежурные, мыть посуду! Остальные — по палаткам. Мёртвый час!

— Ой, не хочется! Не устали нисколько! Сегодня не надо! — умоляют ребята.

Но А. Я. неподатлив на уговоры.

с. 23 — Александр Яковлевич, обязательно надо мёртвый час? Я бы лучше на озеро пошёл, — и Юлькины чуть раскосые глаза умильно смотрят на отца.

— Ступай отдохни, сегодня день тяжёлый, — говорит А. Я. — Живо в палатку!

— Па-апа! — начинает тянуть Юлька, но, взглянув ещё раз на А. Я., меняет тон: — Есть в палатку, Александр Яковлевич!

Засыпаем мгновенно. Комары звенят над головой, не совсем удобно лежать, в бок, по выражению Оленьки, «впиявились» какие-то сучки, но, кажется, если бы не комары, а трубы трубили, и не сучки, а иголки кололи нам бока, всё равно мы бы уснули.

Глава VII. Первый вечер

Когда я встаю после мёртвого часа, таким уютным, уже обжитым кажется мне наш лагерь, с пылающим очагом, где варится ужин, с леском и речушкой, с семью полосатыми палатками и высоким флагом!

с. 24 Младшие ребята — Юлька, Оленька, Валя Веселов — зовут меня на берег Куротни. Мы обходим все ближайшие перелески. Каждому кусту, каждому холмику, покрытому лиловым вереском, хочется сказать:

— Здравствуйте! Узнали? Это мы приехали и будем жить с вами.

Вечером, когда в светлом небе дрожат первые звёзды и Веня с мальчиками уходит ловить рыбу, к нам являются пятеро незнакомых ребят. Они очень важно и серьёзно подходят к нам, и старший, помолчав, спрашивает:

— Устроились?

— Устроились. А вы откуда?

— Из пионерлагеря. Пришли звать вас к себе на костёр.

— А где ваш лагерь?

— А вон!

Километра за два от нас на берегу озера виднеются красные крыши и белые домики.

— Далеко! Устали сегодня наши ребята. Много работали, — вступается мама.

— Да вы не надолго. Посмотрите только костёр, посидите немножко с нами, и мы вас задерживать не станем.

Они так просят, что отказать невозможно. Девочки решают идти. Это лагерь для младших ребят, от восьми до двенадцати лет.

Дорогой наши провожатые рассказывают, сколько здесь в лесу грибов и ягод. Водятся, оказывается, и змеи. «Санька Маврин вчера убил вот какую!..» Рассказчик разводит широко

руки в стороны и делает страшные глаза. Наши девочки пугаются и боязливо оглядывают каждую корягу по пути.

Из лагеря выбегают малыши, ласково и весело здороваются и тащат нас к костру. Чудесное место выбрали переславцы для своего пионерлагеря! Он разбит на самом берегу озера. Кругом высокий и нарядный лес — берёза, ольха, орешник.

Костёр у них тоже замечательный. Огромная засохшая сосна врыта в землю, обложена валежником и зажжена сразу с нескольких сторон. Трещит смолистое дерево, костёр полыхает, обдавая жаром; воздух вокруг него струится. Вся поляна в свету, а в озере отражается всё, что делается на земле и на небе: жаркое полыханье огня и последние ответы солнца играют на воде. На берегу, совсем около воды, стоит большая плакучая берёза, и по веткам её бежит дрожащий свет.

с. 25

Ребята поют хором, читают стихи. Один малыш очень смешно изображает целый оркестр. Нам показывают яйца лесных птиц, живого ежа, ракушки и другую свою летнюю добычу. Многие никогда не были в Москве и расспрашивают о метро, о Дворце пионеров и о нашей детской железной дороге на станции Отдых.

Провожают нас с песнями. Мы медленно идём домой, и я думаю, как много нового я узнала сегодня. Оно целый день кипело и переливалось внутри, и только теперь, к ночи, всё улеглось, успокоилось, стало мирно и хорошо. Всё время вспоминаю: «Все знакомы», и улыбаюсь, как маленькая, неизвестно чему.

У нашего лагеря встречаем Веню с ребятами. Они несут полное ведро серебра. Только серебро живое, оно трепещет, движется. Это уклейка, серебристая рыбка со светло-чёрной спинкой. Мама всплескивает руками, увидев столько провианта.

— Испортится ведь до завтра! Надо сейчас же чистить.

Хоть в глазах словно песок насыпан — так хочется спать, — мы садимся за чистку рыбы, и в свежей темноте, при свете нашего очага работа оказывается очень весёлой. Мелькают ножи, летит серебряная чешуя, выпотрошенные рыбки одна за другой падают в чан.

Я вижу у огня белого старичка с растрёпанной бородой.

— Кто это? — спрашиваю шёпотом у Юльки.

— Это знающий старик, — так же тихо говорит Юлька.

Веня увивается около «знающего старика».

— А линь-то, дедушка, когда придёт?

— Скоро должен быть. А может, и запоздает.

— А ещё что есть? Нам пока только уклейка попадает.

— Да ведь есть и налим, и щука, и окунь. Щуку острогами бьют, весной. Она в апреле икру мечет, в ледоход. Ну, а самая знаменитая у нас — ряпушка, селёдка переславская, её Пётр Великий кушать любил.

— Неужели? — сомневается Юлька. — А почём вы знаете?

— Чего же здесь не знать! Такую рыбу не любить невозможно. Пётр-то, наверно, толк понимал.

— А много рыбы?

с. 26

— Сто сорок тонн по плану должна добывать Рыбацкая слобода. Добывают и больше. Ну, у них невода всё-таки исправные, резиновая одежда им выдаётся. Сейчас, конечно, рыбы меньше. Одиночки ведь правил не соблюдают и в запретное время ловят.

— Дедушка, а сам поймал что-нибудь? — спрашивает мама.

— Нет, хозяйка, не поймал. У меня снасть плохая.

— Так мы дадим вам рыбки!

Отсыпаем дедке полный котелок рыбы, и он уходит довольный.

— Спать, спать, по палаткам! — кричат мальчики.

Забираемся в палатки. Спать хочется до того, что дрожь пробирает. Да разве тут заснёшь! От комаров гул стоит, столько их набилось за день. А к ночи они всегда злее. Что делать?

— Полотенцами их! — предлагает Надя Маркова.

Хватаем полотенца, отчаянно машем, но больше попадаем друг в друга, а комары звенят как ни в чём не бывало. Наташино полотенце хлопает меня по глазам.

с. 27

— Ну чего ты размахиваешь бестолку! Так ничего не выйдет. Давайте бумаги и можжевельнику. Мы их выкурим.

Раскладываем посреди палатки маленький костёр. Густой дым ест глаза, мешает говорить, но мы терпим. Наконец Оленька не выдерживает:

— Мы сами себя выкурим, а комарам дым нипочём!

Она выбегает из палатки, а за ней все мы.

— Расплакались? — спрашивает Николай Квадратный. — У-у, какие нюни!

— Да, сам бы расплакался, дым-то ядовитый! — говорит Наташа, вытирая глаза.

— А зачем же вы дымом их выгоняете? Мы умнее делаем. Вот послушайте.

Прислушиваемся. Какое-то страшное завывание в палатке мальчиков.

— Что это?

— А это Олег Жуков придумал выгонять комаров рычаньем.

— И что же, помогает? — спрашивает неожиданно подошедший А. Я.

— Как же, очень пугаются! Только потом с перепугу кусаются ещё сильнее.

С соседней палаткой делается что-то невообразимое. Она вся ходуном ходит.

— Олег, что ты там делаешь?

— Рычу, — говорит совсем задохнувшийся Олег. — Я густо рычу и танцую.

— А что, танцы тоже помогают?

Заглядываем в палатку. Олег, красный, с надутыми щеками, свирепо рычит и размахивает руками и ногами, как игрушечный плясун на верёвочке.

— Что же это за танец?

— «Комаринский», — говорит Олег и невинно смотрит на Александра Яковлевича. — Я только теперь понял, почему он так называется.

Тут А. Я. машет рукой и сам хохочет вместе с нами, пока измученный Олег не падает на землю. Смеяться у него уже нет сил — он только повизгивает.

с. 28 — Ну, хватит, — решает А. Я. — Беритесь за полотенца, да только не все сразу, а пусть кто-нибудь один выгоняет комаров. Да полы палаток завяжите потуже, чтобы не было щелей.

Так мы и сделали. И спали превосходно.

Глава VIII. Мы живём

Мы так быстро привыкли к своему лагерю, словно жили в нём целое лето.

Утром нас будит «приятный» голос нашего гонга. Вскакиваем, ёжась от прохладного ветерка, и бежим по непросохшей, сверкающей траве умываться на Куротню или купаться на озеро. И всякий раз, как я выхожу из палатки, немного захватывает дух.

Хоть озеро и показалось сразу каким-то родным и давно знакомым, а всё-таки каждый день по-новому удивляешься ему. То оно сердится, темнеет и белые гребешки пробегают по нему, то лежит всё золотистое от солнца, спокойное до того, что кажется, по воде можно идти, как по льду. Иногда озеро подёрнуто голубой дымкой, и тогда противоположный берег виден, как через несколько рядов кисеи, а в другие дни дали такие ясные, что мы отчётливо видим через озеро церковь в селе Купань и деревню Криушкино. А Переславль тогда совсем ненастоящий. Как будто белые колокольни и золотые купола поднялись на минутку из воды и сейчас растают, рассыплются. В такие дни нам удивительно, как это вода не заливают города: издали кажется, что Переславль стоит ниже озера.

Но мы не только любим озером, мы изучаем его. А. Я. никогда не объясняет нам того, до чего мы можем додуматься сами.

— Тоня, какого происхождения Плещеево озеро? — неожиданно спрашивает он меня, когда мы возвращаемся с экскурсии по обследованию берегов.

Я сначала не знаю, что сказать, но потом собираюсь с мыслями. Ребята соглашаются со мною, что озеро, несомненно, ледникового происхождения.

Квадратный рассказывает нам о ледниках.

с. 29 Несколько миллионов лет тому назад климат был гораздо мягче, чем сейчас. Пышная растительность, подобная растительности наших субтропиков, покрывала землю. Великое множество животных бродило в густых зарослях: предки слонов — мастодонты, саблезубые тигры, обезьяны, носороги, олени.

Но постепенно климат стал изменяться. По причинам, точно неизвестным до сих пор, северные льды, веками скопившиеся около полюса, начали ползти к югу. Холод, который они несли с собой, заставлял меняться природу. На месте нежных магнолий, лавровых деревьев появились дубы, липы, вязы. Они были лучше приспособлены к морозам.

Льды двигались всё дальше и несли с собою скудную растительность северной тундры — чахлый низкорослый кустарник, мхи и лишайники. Животные уходили в страны, ещё не тронутые льдами, или погибали. Так вымерли многие породы крупных и сильных зверей, а с севера вместе с холодом пришли другие животные — приспособленные к жизни в холодных странах.

Первобытный человек применялся к природным условиям. Он научился добывать огонь, согревать им жилище и делать себе тёплую одежду из звериных шкур.

А лёд неуклонно двигался вперёд. Он покрывал половину Европы, доходил даже до сороковой параллели, до мест, где лежат наши теперешние города Сталинград и Днепропетровск.

Ледники ломали огромные скалы, разрушали горы и тащили с собой потоки камней и песка. Огромные валуны, принесённые льдом, и сейчас встречаются на цветущей Украине.

И эту равнину когда-то заполнял ледник. Вытесненная им почва и принесённые с севера камни и пески образовали извилистые холмы, или морены. Но со временем опять началось потепление, огромная толща льда понемногу таяла, и когда ледники снова отступили к северу, в этой долине осталось громадное озеро, окружённое длинной цепью морен...

— Подожди, — вмешивается Толя Бессонов, — озеро окружено песчаным валом. От нашей Куротни до следующей речки Сосенки он особенно заметен. За этим валом идёт почти ровная долина, и только значительно дальше она заканчивается высокой холмистой грядой. Как это понять? Очевидно, раньше озеро занимало всю долину и холмы были его берегами?

— Похоже на то, — говорит Жуков.

— Почему похоже? Ты докажи!

— Вы мне ответьте вот на какой вопрос: какого возраста Плещеево озеро? — спрашивает А. Я.

Здесь мнения разделяются. Наташа и Юра Васильков говорят, что озеро молодое. Ребята начинают спорить и даже ссориться, и А. Я. их не останавливает. Наверное, ему нравится, что мы так горячимся «из-за науки».

— Глупости! — кричит Жучок. — Ты мне отвечай: берега заболочены?

— Где же они заболочены? — сердится Юра. — Вот берег, а вот вода.

— Это здесь такое место, — вмешивается Женя Савченко, — а около Ботика заболочено, верно? А дальше, к Вёксе?

Приходится Юре согласиться, что болотистых мест много.

— Дальше, — продолжает Жуков. — Вот мы собираемся идти на торфоразработки. Торфообразования говорят о зрелости озера? Говорят!

— А ракушки в песке далеко от берега, — вспоминает Валя Веселов, — значит, озеро мелеет.

Мы идём по узкоколейной железной дороге. Она ведёт на торфоразработки и тянется по всей «нашей» стороне озера.

А. Я. спрыгивает в разрытую сбоку дороги канаву и окликает нас.

— Ребята, а что это за порода?

Подбегаем к нему.

— Белое что-то, — задумчиво говорит Женя.

— Известняк, — решает Олег.

— Какие-нибудь неизвестные отложения? — вопросительно говорит осторожный Слава.

— А ведь похоже на ил, — замечает Толя Бессонов.

— Это и есть ил, ребята.

— Ура! Наша взяла! — радуется Валя Веселов. — Если здесь ил и озеро доходило сюда, значит могло когда-то и до тех холмов доходить! Юлька, полезем в яму!

Моментально и Валя и Юлька проваливаются по колено в белый сухой ил.

— Тону! — кричит Юлька. — Никак не вытону!

Он барахтается в иле, наконец вылезает и норовит схватить Валью за волосы:

— Ты же утопающий, а утопающих всегда за волосы вытаскивают.

Мы решаем, что озеро находится в состоянии поздней зрелости. А. Я. согласен с нами, но предлагает геологам хорошо исследовать почву холмов и озёрное дно. И на другой день ребята находят у реки Куротни слои песка, встречающегося в озере.

Толя Бессонов говорит, что долины, в которых имеется торф, вытянуты с северо-запада на юго-восток. Этих долин две: по двум большим рекам плещеевского водоёма — Трубежу и Вёксе. Толя пытается восстановить карту древних берегов Плещеева озера. По этой карте озеро имеет продолговатую форму, как большинство озёр ледникового происхождения.

с. 30

с. 31

с. 32

Все наши наблюдения над озером старательно обрабатываются и записываются. Из этих записей потом будет составлен подробный отчёт.

Ботаники наши тоже работают усердно, но не всегда у них дело идёт на лад. Когда в первый раз девочки отправились за растениями, я ходила с ними.

— Галя, а вот эти ромашки! — кричала Оленька. — Таких больших у нас ещё нет. Рви побольше.

— Зачем же так много? — говорит Наташа. — Ведь весь этот сноп не засушишь.

— Ну, ещё немножко. Ещё только эту, и эту, и вон ту. Ой, а здесь сколько! Ещё крупнее! Девочки, бросайте всё, нарвём новых, эти лучше.

— А гвоздики будем брать?

— Как же, конечно будем. Выкапывайте их аккуратно.

Девочки принесли в лагерь такие снопы, что едва могли держать их в руках. Положили цветы в нашу палатку, а сами пошли пить чай. После чая затеяли волейбол, и когда вспомнили о цветах, те совсем завяли. Оленька, огорчённая, чуть не плача, стояла над ними:

— Что же это такое? Совсем немного поиграли, а они...

— Потому что надо было сразу разложить.

— А что же ты не сказала?

— Я думала, ты не хуже меня знаешь.

В палатку просунул свой любопытный нос Юлька и завопил:

— Ой, ребята, глядите, как девочки над своим сеном убиваются! А главный бригадир сейчас расплачется. Честное слово!

с. 34 Тут мы в первый раз увидели, как Оленька рассердилась. Она начала медленно краснеть, схватила Юльку за плечи и повернула к выходу.

— Уходи, — сказала она. — Пусть я осрамилась, и цветы пропали, и мне их жалко, а ты уходи. Нечего смеяться!

Юлька, должно быть, понял, что Оленька огорчена серьёзно. Он ведь очень добрый, хоть и озорной.

— Ну, ладно, — заворчал он, — не расстраивайся. Завтра новых наберёте — и сразу под пресс. Бумага-то у вас есть? Газеты старые или журналы?

Но Оленька как-то испуганно посмотрела на Юльку, закрыла лицо руками и забилась в угол палатки.

— Ну, что ты? Что с тобой? — приставали к ней девочки и Юлька.

— Бумагу-то я забыла! Всю кипу газет. Приготовила их с вечера, а утром в рюкзак забыла сунуть. Только теперь вспомнила, что вся бумага дома на окне осталась.

— Эх ты!.. — горячо начал Юлька, но, увидев в Оленькиных тёмных глазах крупные прозрачные слезинки, опять переменял тон:

— Ладно. У Венки вон бредень не действует — верёвка гнилая оказалась, и то он не плачет. Папа, то есть Александр Яковлевич, сказал, что завтра пойдёт в город за верёвкой, там и газет тебе достанет. Не реви.

Глава IX. «Верёвка — вервие простое»

Утро, солнечное и прозрачное, начинается шумно. Ещё вчера вечером Игорь Шустов изобрёл «кадило». Это пустая консервная банка без крышки, с верёвочкой. В стенках банки над дном её проделаны крупные дырочки. Если положить в банку можжевельника и зажечь, то из дырочек поползёт дым. Этим «кадилом» вчера вечером мальчишки очень успешно выгоняли комаров. А сегодня Ваня Сёмин с утра завладел изобретением Игоря, долго забавлялся им, а потом начал возиться с Валей Веселовым и ударил его «кадилом» по голове. Валя плакал. Он стыдился своих слёз, старался сдержаться, но видно было, что ему очень больно. А. Я. долго говорил с Сёминым, и, кажется, они не договорились до конца, потому что и Ваня ходит угрюмый и А. Я. какой-то сумрачный.

с. 36 Мы сегодня идём в город. А. Я. отбирает четверых ребят, у которых дневники в порядке. Остальные должны заняться обработкой своих записей. В город идёт Женя Савченко, Слава Арканов, я и Юлька. Собираясь, я вижу, что наш Венедикт усердно ищет что-то.

— Ты что?

— Да вот, бечёвочку ищу какую-нибудь, ботинок подвязать...

- Да когда ж это ты успел?
У ботинка оторвана вся подошва до самого каблука.
- Вчера, когда шли на карьер, я поскользнулся и в овраг съехал. Вылез, а подошва-то тю-тю!
- Давай ботинок, — предлагаю я, — в городе отдам починить. У меня есть немножко денег. Только маме не надо говорить, она огорчится. Не напасёшься на тебя ничего!
- Но, к моему удивлению, Веню вовсе не радует такой замечательный исход. Мрачно и озабоченно он продолжает шарить по углам палатки и бормочет:
- Нет, верёвочку мне надо. Подвязать бы.
- Да куда ты собираешься? Ведь в лагере босиком ходишь.
- Как куда? — обиженно отвечает Веня. — В город.
- С ума сошёл! После ночного дежурства? Сейчас же ложись.
- Веня дежурил ночью, а у нас полагается после ночного дежурства обязательно спать до обеда.
- Но Венедикт у нас хоть и тихий, а упрямый. Смуглое лицо его ещё темнеет от румянца, и он ворчит:
- Как же, они верёвку для бредня идут покупать, а я спать лягу!
- Спать или не спать, а в город не пойдёшь.
- А вот пойду! Ты мне не указчица.
- Но на меня тоже «наехало», как говорит мама. Как он смеет со мной так разговаривать!
- Я бегу к нашей кухне, где мама и Александр Яковлевич совещаются, что надо купить в городе. Венедикт в одном ботинке несётся за мной.
- Мама! Венька после ночного дежурства хочет в город идти и ботинок разорвал совсем. Гляди, вся подошва отлетела.
- После дежурства, конечно, отдохнуть надо, — говорит А. Я.
- Александр Яковлевич! Бреднем-то ведь я заведу, — торопится Веня, — значит, должен посмотреть, какую вы там верёвку купите. Через день-два нерест кончится. Если сейчас бредень не наладим, весь лов пропадёт.
- Ох ты, рыболов мой! — вздыхает мама, и я вижу, что её огорчает не разорванный ботинок, а то, что А. Я. не хочет взять Венедикта в город.
- Он ведь себе места не найдёт. Возьмите его, Александр Яковлевич. Отоспится после, — просит она.
- Ну, собирайся, идём, — соглашается А. Я.
- Покажи мне ботинок, Веня, — говорит мама. — Здорово отодрал! На вот тебе крепкую бечёвку — подвяжи. А в городе обязательно отдай приколотить.
- Веня берёт бечёвку и не благодарит маму, а только смотрит на неё «тараканьим взглядом». «Тараканьими» я называю Венькины глаза, когда они становятся тёплыми и лучистыми. Это бывает редко и очень ценится в нашей семье. Мне сейчас же делается завидно, почему он не на меня так смотрит, и я, забыв досаду, кричу:
- Венька, и на меня посмотри по-тараканьи! Сейчас же!
- Ты не стоишь! — сурово отвечает Веня. — Вот мама — настоящий товарищ, всегда готова человеку помочь, а ты только взрослою корчить умеешь. Гувернантка!
- Да ведь я для твоей же пользы. Я хотела, чтобы ты выпался.
- Ладно. Вот для моей пользы дай ножницы, — говорит Венька.
- Подошва подвязана, палки в руках, и мы отправляемся. Оленька и Галя кричат вслед:
- Бумагу, бумагу-то для нас не забудьте!
- Город опять поражает нас множеством церквей и ярко-жёлтым валом.
- Здесь, наверное, ещё много народу богу молится, — говорит Женя.
- Это неверно, — отвечает А. Я. — В Переславле действует только одна церковь. Остальные приспособлены под хозяйственные и культурные учреждения. А церквей здесь много, как в любом старинном городе. Прошлое в Переславле выступает резче, чем в больших городах с сильно развитой промышленностью.
- Нравится тебе Переславль? — спрашиваю Юльку.
- Ничего, людный городишко, — говорит он, и этот важный ответ всех смешит.
- В райкоме комсомола заведующая отделом пионеров, тоненькая кудрявая Егорова, встречает нас ласково.
- Ну, москвичи, как живёте? Загорели вы все, и комары, видно, здорово вас покусывают. Больных нет? Хлеб вам доставляют?

с. 37

с. 38

— Всё в порядке, — говорит А. Я.

— Только ботаники бумагу забыли, — выпаливает Юлька. — Вы нам дадите старых газет?

Егорова смеётся и приносит ворох газет. Юлька заботливо прячет их в свой рюкзак.

Отправляемся искать верёвку. В двух-трёх магазинах, куда мы приходим, верёвки не такие, какие нам нужны. Венедикт находит, что они слишком тонки. Он пробует верёвку зубами, долго смотрит на неё и потом, вздыхая, кладёт на прилавок.

— Не то, Александр Яковлевич.

Идём на товарную базу, но и там верёвка не нравится Вене.

с. 39 Мы уже сделали все хозяйственные покупки, починили ботинок, выпили чаю в городской столовой — пора отправляться домой. Венедикт безутешен:

— Ещё день-два, нерест кончится. Вот тебе и половили рыбку!

— Да зайдём опять в первый магазин. Там верёвка была неплохая, — предлагает А. Я.

— Нет, что это за верёвка! Тонкая, непрочная.

Идём по рынку. Юлька суёт нос всюду, забегает вперёд. Иногда совсем пропадает, и мы подолгу ищем его.

Проходим продуктовый ряд. Колхозницы продают холодную тяжёлую сметану в круглых рыжих горшках, зелёный лук; переславские рыбачихи предлагают связки копчёных золотых рыбок. Идём дальше и вдруг слышим громкие зазывания из какого-то ларька:

— Эй, кому хорошие верёвки? Сюда, пожалуйста!

— Верёвка! — вздрагивает Веня.

— Да это Юлька дурит, — успокаивает его Женя Савченко. — Не видишь разве?

В ларьке, среди блестящих обливных горшков и кувшинов, — круглое коричневое лицо Юльки. Он машет нам руками и кричит:

— Честное слово, верёвка! Папа... то есть Александр Яковлевич! Идите сюда!

В ларьке продают глиняную посуду, ручки для дверей, косы, грабли и, действительно, верёвки. Начинается длительное изучение товара. Все смотрят на Венедикта, и все разом шумно вздыхают, когда он, пожевав верёвку, наконец говорит:

— Эта годится.

Покупаем верёвку и спешим домой. По дороге А. Я. молча входит в первый магазин, где мы были, просит показать верёвку и сравнивает её с купленной. Верёвки совершенно одинаковые и по толщине и по качеству.

— В чём же разница, Веня? — спрашивает А. Я. Венедикт смущён.

— Семь раз примерь, Александр Яковлевич... — бормочет он.

Глава X. Дневники и ребята

с. 40 Каждый вечер несколько ребят читают вслух свои дневники. Остальные поправляют их, указывают, что нужно дополнить, следят за тем, чтобы не пропускались важные для нас наблюдения. Иногда дневники бывают смешные, и вместо серьёзной беседы начинается хохот. Это так интересно, что я расскажу о дневниках подробнее.

А. Я. долго объяснял нам, что описывать ежедневное вставанье, умыванье, завтрак не имеет смысла, потому что эти события происходят каждый день и почти всегда одинаковы. Другое дело, если во время завтрака или купанья произошло что-нибудь забавное или необыкновенное. Тогда это нужно описать. Подробно нужно записывать всё виденное на экскурсии, а особенно относящееся к теме, над которой работаешь.

Но ребята почти все начинают свои записи так:

«Встал в семь часов, оделся, пошёл умываться и чистить зубы, потом завтракал» и так далее.

— Ты бы ещё записывал: «Надел правый ботинок, потом левый, потом их зашнуровал, потом повязал галстук...» — язвит Олег Жуков.

— А вот у меня то же самое записано, а гораздо веселей, — говорит Юлька.

— Ну, читай, как у тебя.

— Вот слушайте: «Я проснулся очень рано и начал писать дневник. На завтрак не пошёл, потому что накануне наколол ногу и она болела. Анна Ивановна принесла мне в палатку кашу, хлеб с маслом и чай. Я стал делать три дела сразу: завтракать, писать дневник

и одеваться. Немного чернил попало в кашу, но я её съел. Руки тоже немного испачкал и зелёное одеяло тоже. За это получил замечание от папы. Потом вспомнил, как все ребята норовят погладить меня по голове «против шерсти». Все говорят, что им очень нравится моя «щётка». Оля, между прочим, называет мою голову не «щётка», а «ёжик». Это всё-таки приличнее. Я решил вымазать ёжик чернилами. На чёрных волосах не видно, а зато кто тронет меня — испачкает руки. Так и сделал, и как только вышел из палатки, Николай Квадратный и Надя Маркова заинтересовались моей причёской. Квадратный поглядел на свои вымазанные руки и сказал: «Это ты здорово придумал». Потом он без всякого шума пошёл умываться. А Надя завизжала и побежала к папе. Я получил наряд на внеочередное дежурство. Потом все пошли на экскурсию, а мне А. Я. сказал, что если я не могу ходить завтракать из-за больной ноги, то нечего мне и на экскурсию идти. Все ушли, а я сидел в лагере. Проклятая нога сейчас же перестала болеть. В общем, неудачный день».

с. 41

Юлькин дневник всех очень развеселил. Вообще многие ребята пишут смешно. Например, у нашего Вени дневник очень краткий и глубокомысленный. Вот как он пишет:

«Перед сном я сходил к озеру посмотреть, не пришёл ли метать икру лень, но там обнаружил только одного мёртвого окуня. Что послужило причиной смерти такого здорового окуня? Этот вопрос меня заинтересовал. Думаю, что на озёрных окуней напала эпидемия или его погубили вредные вещества, спускаемые в воду с переславской фабрики киноплёнки».

После чтения этого дневника Веню несколько дней спрашивали, как здоровье окуней.

Мне лично очень нравятся записи Жени Савченко. Вот отрывок из них:

«Мы продолжали путь по берегу озера. Попадались небольшие речушки, но мы их легко переходили. Чайки, которые всё время летели над озером впереди нас, отстали, и лишь один чибис кружился над нами, как бы выталкивая из себя жалобные стоны. Вдруг какой-то серенький комочек промелькнул у меня под ногами и спрятался в яму. Я нагнулся и увидел птенчика. Он плотно прижался к земле и со страхом смотрел на мою „лапищу“. Наверно, огромной казалась ему моя рука. Я взял его. Это был чибисёнок. Он, как и взрослые чибисы, был серо-чёрным, лишь снизу часть крыльев, ближе к туловищу, беловатая.

с. 42

Крылья, как у всех куликовых, отогнуты. У него продолговатый чёрный клюв и большая головка, на которой, как стеклянные бусы, блестят глаза. Туловище у него маленькое, а ножки длинные и чёрные. Я боялся, что ребята замучают его, и поскорее выпустил, но сейчас же мне захотелось нарисовать его. Мы снова стали ловить птенца, но он забрался в болото, однако скоро выбежал и опять спрятался в ямочке. Я нарисовал его, и только мы отошли, как взрослый чибис спустился к своему детёнышу».

А. Я. говорит про Женю: «Вдумчивый парень». И это правда. Женя тихий, молчаливый и очень любит природу. В лесу и на озере он обязательно увидит то, чего другие не заметят. Мы все с ним подружились. А опоздай Женя в день отъезда на полчаса, и мы могли бы никогда не встретиться. Вот как всё в жизни случайно!

Я приглядываюсь к своим товарищам и часто думаю, какие все люди разные. Даже родные. Например, Веня у нас упорный, молчаливый, а я горячка. Хотя вот Веселовы Муза и Валя всё-таки похожи. Муза очень рассудительная, деловитая, а Валя хоть и шаловливее сестры, но тоже спокойный, покладистый, делает всё с охотой, без споров. Рассуждает Валя очень обстоятельно. Недавно я слышала, как он объяснял Жукову:

— Ты вот зовёшь меня «Висельником». По-моему, это неправильно. Если прозвище давать по фамилии, то ведь пишется Веселов, а не Виселов. Значит, больше подходит, «Весельчак», например, а не «Висельник».

У Вали вечные неполадки с туалетом; по утрам обычно он приходит к палатке Музы и начинает хныкать, как маленький:

— Муська, зашей майку, я опять разорвал!

— Ой, Муська, носовой платок есть? Мой потерялся.

Дневник у Вали подробный, аккуратный, как и у сестры.

Зато у Вани Сёмина и Серёжи Рюмина — двух приятелей — дневники такие, что они сами не могут разобрать, что там написано. Серёжа, правда, ещё маленький, а Ваня и выше и старше всех ребят. У него всегда бледное и как будто недовольное лицо и очень странный характер. Что бы он ни делал, он никогда не доведёт до конца. Заскучает и бросит. В нашей школе он недавно. Ваня способный и учится хорошо, но без интереса. И всегда во всём найдёт плохое. Если греет солнышко — он говорит, что слишком жарко; если прохладно — боится, что пойдёт дождь; ему не нравятся наши лагерные обеды, он половину выбрасывает,

с. 43

а потом жалуется, что не наелся. Дневник он читает очень смешно. Прочтёт кое-как две странички, а потом захлопывает тетрадь и говорит: «Ну и так далее. Никому не интересно».

Замечательно читает свои дневники ботаническая группа. Они сейчас же начинают ссориться. У Оленьки, например, записано:

— «Растительный мир Переславского района чрезвычайно богат...»

Наташа сейчас же перебивает её:

— Чем же он особенно богат? Обыкновенная растительность Средней России.

Галя вступает за Оленьку, Надя за Наташу, и начинаются взаимные попреки:

— На лугах луговая овсяница растёт, а на болотах красная, а у тебя наоборот.

— У нас на Куротне не только ольха, есть и орешник. Куда ты его дела?

с. 44 Долго они пререкаются, пока А. Я. не вступится, всё разберёт, установит, что растительность действительно богатая: и хвойные леса с великолепными мачтовыми соснами, и березняк, и ольховник, и липа, и вётла, и кустарник всяческий. А главное, благодаря разнообразию рельефа есть растения всех видов: болотные, водные, водно-болотные, луговые... Всех не пересчитаешь.

Глава XI. Ночное дежурство

Мне давно хотелось подежурить ночью, и я завидовала ребятам, которые уже дежурили. Наконец и я попала в ночное дежурство вместе с Галей Козловой, Толей Бессоновым и Юрой Васильковым.

С вечера мы заготавливаем дрова для костра. Он должен гореть всю ночь, и дров нужно много. Мальчики рубят засохшие сосенки. Звук топора глухо отдаётся в лесу. Вечер тихий, и топор стучит оглушительно. Когда он замолкает, в первую минуту кажется, что стоит глубокая тишина, но потом оказывается, что она полна звуков: треска кузнечиков, комариного звона, птичьих вечерних разговоров.

Юра старается изо всех сил. Мы с Галей не успеваем носить дрова. У нашего очага вырастает высокая поленница.

— Ну, мёрзнуть вы, я вижу, не будете, — говорит мама.

Дан сигнал ко сну, но ложиться ещё никто не собирается. Ребята выкуривают комаров, переговариваются, бродят по лагерю. А. Я. говорит дежурным, чтобы торопили ребят. Я даю ещё один сигнал, и понемногу все расходятся по палаткам.

Ещё долго слышны смех, разговоры, кто-то начинает песню, другой голос подхватывает, третий перебивает...

Понемногу затихает одна палатка, за ней другая. Иногда ещё слышится фырканье и шёпот, и наконец всё стихает. В лесу и на озере тоже тихо, только около Куротни в кустах свистит ночная птица.

с. 46 Мы разжигаем костёр. Сухие сучья трещат. Пламя трепещет на ветру. Здесь у костра так спокойно, и не хочется почему-то оглядываться на лес. Луна запуталась в большом пушистом облаке и никак не может пробиться на свободу. Облако всё серебряное, тонкие края его точно тают от мягкого дрожащего света. Всё кругом чудесно и незнакомо, и, должно быть поэтому, мы начинаем говорить шёпотом, придвигаясь друг к другу ближе.

Луна вырвалась наконец и беспокойным бледным светом заливает нашу полянку, полосатые палатки и флаг на шесте. По озеру бежит блестящая дорожка. Если смотреть на луну через дым костра, кажется, что она морщится.

Мы молчим. Толя Бессонов подбрасывает сучья в огонь. Он не отводит глаз от костра, и лицо у него сейчас совсем не такое, как днём, как будто он интересную книгу читает или слушает музыку. Галя легла на траву и смотрит на небо, а оно, огромное и торжественное, будто движется над нами. Юра Васильков строгаёт палочку, но рука его двигается всё медленнее и медленнее, наконец останавливается, и он тоже сидит неподвижно. Но что это?

— Держи, держи! Удерёт! За хвост не цапай — оторвёшь! — кричит кто-то диким голосом.

Мы смотрим, как будто проснувшись, друг на друга и начинаем хохотать, изо всей силы стараясь сдержаться.

— Это Игорю Шустову снится, что он ящерицу упустил, — шепчет Юра.

Иногда самые простые вещи кажутся невыносимо смешными. Нас очень веселит, что мы узнали сон Игоря. Мы с Галей уже сговариваемся, как завтра подойдём к нему и скажем: «А мы знаем, что тебе снилось», и как он будет удивляться.

— Он до завтра всё забудет, — говорит Толя. — Если ночью кричат, то сон потом не помнят.

— А посмотрите, как луна-то смеётся!

Луна действительно смеётся, и сама она такая смешная, что мы опять не можем сдержать хохота. Поднимем голову, взглянем на неё, и смех прямо распирает. Нельзя остановиться.

— Перестаньте! — сердится Галя. — Тоня, перестань сию минуту! И ничего смешного нет. Вот сейчас погляжу на луну совершенно серьёзно.

Она с полминуты глядит вверх, надувая щеки, чтобы не засмеяться, и, конечно, не выдерживает.

Ясно, что это очень глупо. Но луна смешная, ой, какая смешная!

Чайник наш закипает, и вода льётся через край. Мы готовы хохотать и над чайником, но А. Я. кашляет у себя в палатке, и мы сразу замолкаем.

Пьём чай. Заварили крепкий, чтобы спать не хотелось.

— Сухариков хотите? — спрашивает Юра. — Анна Ивановна выдала нам на ночь.

Так вкусен горячий крепкий чай и ржаные, посыпанные солью сухарики, что Толя говорит:

— Сроду такого вкусного чаю не пил! — И сейчас же спохватывается: — Половина первого. Тоня, надо Музу будить.

Муза Веселова, наш метеоролог, встаёт каждую ночь, чтобы измерить температуру воздуха и воды.

Иду в палатку будить Музу. К моему удивлению, она моментально вскакивает, бормочет сонным голосом: «Разве уже?» — и, закутавшись в одеяло, вылезает из палатки. Однако, подходя к костру, начинает 'житья и замедляет шаги.

— Тоня, идём со мной на озеро! Что-то жутко.

Мне самой жутковато, но я не хочу этого показывать перед мальчиками. Засмеёт на другой день Толька.

— Идём.

— А как же я в воду полезу? Сегодня холодно, прошлые ночи теплее были.

— А ты камушков положи в воду и на них стань, — советует Юра.

— Да это бы можно, только градусник подалее от берега надо опускать.

— Постой, я придумал! Вот тут Венькины удочки. — Толя быстро разматывает леску и прикрепляет к концу её градусник.

Мы с Музой подходим к озеру. Вода тёмная, тихая, только лунная тропочка бежит по ней. Далеко в Переславле горят редкие огоньки. Собираем большие камни — их много лежит на берегу — и укладываем их в воде, как мостик. Муза по камням входит в озеро и закидывает удочку. Звонкий всплеск воды, и опять тихо-тихо. Я жду на берегу.

— Готово?

— Сейчас ташу обратно.

Градусник показывает двадцать три градуса.

— Ночью вода всегда теплее воздуха, — говорит Муза.

От озера лагерь почти не виден, его заслоняет насыпь узкоколейки. Да и поляна наша лежит за пологим холмом. Только розовое полыханье костра светит нам.

— А если представить себе, — шепчет Муза, — что на лагерь напали разбойники, дежурных связали, а сами уселись у костра и поджидают нас? Вот страшно-то подходить!

— Давай сразу выходить не будем — подкрадёмся и посмотрим, что там делается.

Обе мы прекрасно знаем, что никаких разбойников нет, но иногда очень хочется играть и выдумывать. Приятно, что и Муза, такая серьёзная девочка, это понимает.

Мы пригибаемся к траве и почти ползём. Под ногой у Музы хрустит веточка, я хватаю её за руку, и на секунду мы застываем на месте. Потом двигаемся дальше. Я, не удержавшись, фыркаю, и Муза укоризненно шипит на меня.

Осторожно выглядываем из-за горки. «Разбойники», то есть Толя, Юра и Галя, мирно пьют чай.

— Должно быть, весь чайник выдули, — шепчет Муза.

— Девочки, что вы шепчетесь? Идите же сюда. Мы всё равно слышим, — говорит Галя.

Муза уходит в палатку, а я не выдерживаю и, присев к костру, рассказываю о нашей выдумке.

— Трусики! — презрительно говорит Толя.

с. 48

с. 49

— Ничего ты не понимаешь, — горячусь я. — При чём тут трусость? Это мы всё выдумали для игры, нарочно — понимаешь?

— А вот вы «для игры» до леса не дойдёте.

— Вот ещё! И в самый лес пойдём! Пошли, Галя!

Галя испуганно мигает, но поднимается.

— Дровишек принесите, — советует Юрка. — Знаете, там, где я рубил, на опушке сучья остались.

Мы шагаем к лесу. Галя щиплет меня и бормочет:

— Тонька, сумасшедшая, зачем мы идём? Страшно ведь!

Высокая росистая трава хлещет по ногам, лягушка выскакивает из травы и мягко шлёпается о землю. Подходим к лесу. На опушке кусты можжевельника, совсем седые от луны, а стена сосен в этом расплывчатом сиянии кажется ещё темнее. Храбро входим в чащу и сразу останавливаемся. В лесу кто-то храпит, слышно, как трещат сучья, шумят ветки. Кто-то огромный пробирается через кусты.

Галя слабо пищит и изо всей силы вцепляется в моё плечо. Я не могу сдвинуться с места.

Чья-то огромная голова просовывается сквозь ветки.

с. 50 — Медведь! — взвизгивает Галя и, оторвавшись от меня, несётся обратно, натывается на пни и кочки, чуть не падает и мчится дальше.

Я лечу за ней так, словно меня гонит ветер. Мальчики, услышав наш бег, вскакивают.

— Что, что? — взволнованно спрашивает Толя.

— Медведь, наверно! — говорю я и, задохнувшись, ничего больше не могу сказать.

— Медведь! — повторяет Галя. — Большое что-то, огромное.

— Айда, Толька? — вопросительно говорит Юра.

— Постой, топорик захватим, — солидно отвечает Толя. — Что-то сомневаюсь я, чтоб медведь. А если какой-то человек бродит возле лагеря, попугать не мешает.

Мне уже стыдно за свой сумасшедший страх, и я иду с ними. Галя остаётся у костра.

Входим в лес и на поляне среди серебряного можжевельника видим... корову.

Юрка веселится вовсю, он обнимает корову, гладит её морду и приговаривает:

— Ах ты, Топтыгин, Мишка косолапый!

Толя ведёт себя великодушно.

с. 51 — Всё-таки темно, — говорит он, — вылезает что-то большое. Конечно, испугаться можно.

Однако глаза у него блестят так лукаво, что я чувствую: не скоро он забудет этого «медведя».

Снова тихо сидим у костра. Луна уже переключившись с северо-западной стороны на северо-восточную, но остаётся всё той же круглой светлой тарелкой с тёмными пятнами. Края неба едва заметно розовеют.

Одна заря сменить другую

Спешит, дав ночи полчаса,.. —

вспоминает Толя.

Поднимается свежий ветерок, по озеру бежит рябь, вода бледнеет, густая белая дымка закрывает её.

И вот наконец первые лучи солнца. Сначала так несмело они играют с водой: то ухватываются за холодные струйки, то соскальзывают куда-то. По озеру идёт блеск, словно вся уклейка выплыла на поверхность и заплясала на воде. Чайки вскрикивают пронзительно и тревожно. Солнце поднимается и уже смело бросает на землю своё тёплое золото.

«Ку-ку! Ку-ку!» — слышится из лесу. И кукушка проснулась.

Быстро оживает всё вокруг с восходом солнца. Уже стрекочут кузнечики, перекликаются птицы. Даже странно, что ребята продолжают спать и не видят всего этого великолепия.

Часов в пять хлопает кнут пастуха, слышно блеяние овец, и шумное деревенское стадо выходит из леса на поляну. Когда коровы проходят мимо нас, мальчики косятся на меня и Галю. Всё равно! Такая была хорошая ночь, что не обидно, если и посмеются между собой. А ночь в самом деле хорошая, её не надо забывать.

Увлечённая этой мыслью, я говорю ребятам:

— Обещаем друг другу запомнить это дежурство, наш лагерь, и озеро, и смешную луну, и рассвет, и корову. Согласны?

— Да, да! Обещаю помнить всю жизнь! — кричит Галя и зажимает рот руками, вспомнив, что все ещё спят.

Толя серьёзно кивает головой.

В шесть часов иду будить дневных дежурных. Олега Жукова нахожу сразу, потому что он спит, закрывшись дырой. В самом деле: одеяло на середине разорвано, голова и ноги закрыты, а на всё туловище приходится дыра. Вот Валю Веселова найти трудно. Все спят закутавшись, прячутся от комаров, и не сразу разберёшь, кто где. Проснувшийся Квадратный показывает мне, где Валя.

с. 52

Взглянув ещё раз на золотое искрящееся озеро, лезу в свою палатку, под бок к тёплой Наташе.

Глава XII. «Тихий» день

Сегодня нет экскурсии, и горячий прозрачный день проходит у нас тихо.

С утра я, Галя и Муза работаем над дневниками, лёжа в стороне от палаток. Муза старательно исписывает страницу за страницей, чертит свои метеорологические таблицы и аккуратно раскрашивает их цветными карандашами. Галя скоро убегает в лес за цветами, а я... чудесно сплю на солнышке, убаюканная тихим днём.

Но к полудню начинаются события. Не дописав дневника, разморённая жарой, я плетусь к маме в хозяйственную палатку и помогаю ей отвешивать продукты к обеду. Здесь, в походной кладовой, очень занятно. С толстого елового бруса на потолке свешиваются куски копчёной грудинки. Земля устлана досками, и на них стоят мешки с крупой, сахаром, сушёными овощами. В углу вёдра с квасом и молоком. Всё заботливо прикрыто и завязано.

Мама очень хорошая хозяйка и из этих незамысловатых продуктов готовит замечательную «вкусноту» («вкуснота» — Юлькино слово). То придумает добавить в борщ свежего щавеля — он растёт тут же на нашей поляне, — то положит изюму в рисовую молочную кашу. Часто мы варим уху. Теперь, после починки бредня, рыболовные дела Вени идут прекрасно.

Только устаёт мама сильно. С шести часов утра она уже на ногах. Даже похудела.

— Молока мало, — волнуется мама, — не принесли сегодня из деревни. Придётся послать дежурного.

Мама откидывает полу палатки и громко зовёт:

— Сёмин! Ваня! Иди сюда скорее!

Ваню приходится довольно долго ждать. Наконец он является, сонный и недовольный, как всегда.

— Сходи в Соломидино, — говорит мама, — принеси молока. К обеду нужно.

У Вани вытягивается лицо:

— В такую жару... Я не пойду, Анна Ивановна.

— Как не пойдёшь? Почему? Ты ведь дневной дежурный.

— Ну что же, что дежурный? Дежурный в лагере должен находиться, а о молоке завхоз обязан позаботиться.

Я чувствую, что краснею от злости, даже сердце начинает стучать. Жестоко хочется отчитать Сёмина, но почему-то стыдно. Очень ясно представляю себе, как он потом скажет: «За мамочку вступилась!»

— Ладно, ступай, а с Александром Яковлевичем я о тебе поговорю, — говорит мама, и я вижу, что худые загорелые руки её дрожат.

Ваня уходит, а через минуту в палатку заглядывает Слава Арканов:

— Анна Ивановна, за молоком нужно идти?

Слава — второй дежурный. Он уходит в деревню, а я, видя, что мама немного успокоилась, прошу её:

— Не спускай ему. То маленьких обижает, то тебе грубит. Обязательно поговори с А. Я. И мы тоже обсудим его поведение.

Расстроенная Сёминым, хочу снова приняться за дневник, но опять не удаётся. Ботаники приносят из лесу какое-то чудное растение. Они видят его в первый раз, огорчаются, что не знают названия, и, как всегда, ссорятся и упрекают друг друга в невежестве.

Это тускло-зелёная роза, очень тугая и мясистая. Её лепестки напоминают кактусовые листья. Она не имеет стебля, головка плотно прижата к земле.

с. 54

— Живучка обыкновенная, — говорит А. Я., взглянув на цветок.

— А почему его так зовут?

— Он очень стойко борется за жизнь. Попробуйте переверните его корнем вверх.

Мы смотрим на перевернутый цветок и уже начинаем переглядываться, потому что ничего особенного не замечаем, но вдруг Надя взвизгивает:

— Шевелится, шевелится! Честное слово!

Живучка медленно шевелится, наклоняется и наконец переворачивается коронкой вверх, корнем вниз. Нам даже кажется, что у неё сейчас особенный, торжествующий вид.

с. 55 Не успеваем мы как следует «пережить» живучку, как Толя и Женя Савченко сообщают, что на Куротне нашли камешки бурого железняка. В воде Плещеева озера много железа, на поверхности содержание его ничтожно, а на дне — столько же, как в железистых источниках. Мальчики говорят, что если железо попадает так далеко от берега — значит, действительно озеро занимало раньше всю равнину.

Потом прибегают, запыхавшись, Юлька, Юра и Валя:

— Александр Яковлевич! Скорее! Смотрите, что мы сделали! Да идёмте с нами к озеру! Там увидите!

По светлой поверхности воды медленно движется длинный плот. На плоту Веня и Коля Белов.

— Правда, здорово, Александр Яковлевич? Какой плотище получился! Это мы у лесорубов брёвна выпросили. Теперь удобно будет промеры делать.

Все хотят покататься, ребята прыгают в воду, толкутся около плота и поднимают такую возню, что А. Я. беспокоится, как бы не перевернули плот.

Квадратный, отпихиваясь шестом, направляет плот на Куротню.

с. 56 Во время мёртвого часа у зоологов уползли пиявки, и одна впилась в ногу Серёжи Рюмина. Серёжа вообще мальчик довольно «кислый», а тут поднимает такой крик, как будто это не пиявка, а тигр.

Словом, «тихий» день получился довольно шумным, но самое главное случилось вечером.

Закат был ясный, на небе переливались горячие быстро меркнущие краски, и ребята, спокойно и хорошо настроенные, взялись, как всегда, за проверку своих работ.

Сначала Игорь Шустов рассказывал об окунёвых, тресковых, щуковых и лососёвых рыбах Плещеева озера. С особенным восторгом он расписывал знаменитую ряпушку — переславскую селёдку. Эту рыбу поставляли из Переславля ко двору московских князей ещё в древние времена.

Потом Слава Арканов делал доклад об истории Переславля. Он с Веней уже несколько раз побывал в местном музее, собрал и обработал большой материал. Слава очень интересно рассказывает о том, что когда-то Плещеево озеро называлось Клещиным и населяли этот край народы финского племени. Летописец об этом писал так: «На Ростовском озере живёт меря, и на Клещине озере меря же».

Слава рассказывает о Юрии Долгоруком, основателе города Переславля, о том, что Переславль был когда-то «великим градом», столицей большого княжества, могучей крепостью. В 1238 году Переславль-Залесское княжество наряду с другими было завоёвано татарами, а в XVII веке его брали поляки. Русские войска под началом талантливого полководца князя Скопина-Шуйского отбили город обратно.

Я очень люблю наши вечерние сборища. Иногда они затягиваются до полной темноты, и тогда ребята зажигают костёр. Где-то на болоте кричит своим страшным голосом выпь. Кусты и деревья прячут в ветках самую густую темноту. А середина неба, светлая, полная звёзд, словно торжественно присутствует при нашей беседе.

с. 57 После занятий мы обыкновенно читаем несколько страниц из книги Пришвина «Родники Берендея». В этой книге озёра и леса Переславля описаны человеком, который знает «в лицо» всех зверей и птиц, все травы и цветы. Он знает, почему ветка упала с дерева и рыба плеснула в воде. Он краевед, и охотник, и большой мастер. Поэтому всё в его книге живёт и дышит. Она даёт нам настоящую тихую и крепкую радость, и мы читаем книгу понемножку, чтоб радости хватило надолго.

А сегодня как раз моя очередь читать вслух, и я об этом думаю с удовольствием. Но кое-кто из ребят должен ещё прочитать свои дневники.

Читал Толя Бессонов. Начал он очень хорошо. В его дневнике много описаний природы и всяких интересных наблюдений. Вот он дошёл до нашего ночного дежурства, и я просто ушам своим не поверила: он всё как есть описал и прочёл вслух про корову. Очень

карикатурно было рассказано, как я и Галя бежали из лесу, и мы получились совершенными дурами.

Галя хохотала вместе со всеми, а меня словно в грудь кто-то ударил, такую я почувствовала обиду и злость. А ребята, как нарочно, очень развеселились. Юлька прикрепил на голову две палочки в виде рогов и кричал:

— Тоня, а ты меня не боишься? Я тоже страшный.

Жучок моментально нарисовал картинку: корову с очень ехидным выражением морды и нас, бегущих во весь дух.

Толька увидал, очевидно, что я рассердилась. Когда А. Я. велел ему продолжать, он забормотал, что в дневнике, собственно, больше ничего интересного нет и читать дальше не стоит.

Для меня было ясно, что там есть ещё что-то про нас, и, по-моему, А. Я. тоже это понял.

Когда начал читать Юлька и Толя пошёл к своей палатке, я догнала его и спросила:

— Что же ты не доводишь свой товарищеский поступок до конца? В дневнике есть ещё что-то, а ты этого не прочёл.

— Мне показалось, что ты недовольна... — начал он.

— Ах, тебе показалось? Дай дневник.

— Зачем?

— Хочу прочитать, какие ты ещё гадости обо мне написал.

— Какие гадости? Что ты!

— Дай мне дневник!

— Не дам.

— Ну, так я сама возьму!

Я вырвала у Тольки дневник и убежала в свою палатку. Впрочем, бежать было довольно глупо, потому что он и не думал догонять меня.

Я зажгла огарочек и развернула дневник. После рассказа о корове было написано:

с. 58

«Собственно, я не могу считать Тоню трусихой. Когда мы с Юрой побежали в лес, она пересилила себя и пошла с нами. Конечно, она боялась, но всё же пошла. Может быть, это более ценно, чем совсем ничего не бояться. Тоня всё делает прямо и горячо, и за это я её уважаю».

Эти слова меня ещё больше рассердили. Если я не трусиха, то зачем же выставлять меня на посмешище перед всеми ребятами? Это просто написано в утешение, как маленьким детям дают конфету после горького лекарства.

Я сидела в палатке и одиноко злилась. Юлька прибежал за мной:

— Ну, что же ты? Иди скорее Пришвина читать.

— Не пойду, у меня голова болит. На вот, отдай Бессонову его тетрадь.

Я потушила свечку и слушала, как Галя читала вслух. Потом разговор опять перешёл на корову, и кто-то из ребят спросил:

— Александр Яковлевич, а вы видели настоящего медведя?

— И не раз видел.

— Расскажите, расскажите, пожалуйста!

А. Я. долго рассказывал о своём детстве, о Сибири, о том, как совсем маленьким мальчиком он видел в лесу медведя, разоряющего муравейник, и убежал домой полумёртвый от страха. Позднее, когда А. Я. был школьником, он летом отправился с охотниками собирать кедровые орехи в тайгу. В ветвях густого кедра сидел медведь и тоже сбивал кедровые шишки. Один из охотников полез на дерево и стал подталкивать медведя снизу заострённой палкой. Медведь добрался до вершины кедра, но тут какой-то слабый сучок подломился, и мишка упал с огромной высоты. Охотники тут же подстрелили его.

Третий раз, уже взрослым, А. Я. заблудился в тайге и видел бой медведя с лосем. Медведь был побеждён, и Александру Яковлевичу пришлось спасаться от разъярённого лося.

Александр Яковлевич увлёкся и удивился, когда узнал, что уже одиннадцать часов. Он велел ребятам пить молоко и немедленно ложиться спать. Ребята всегда радуются, когда А. Я. что-нибудь рассказывает, и разошлись довольные. Я тоже ещё долго думала, как много дорог исходил А. Я. в своей жизни и сколько ещё таких историй может рассказать. Но всё это не разогнало моей обиды, и я уснула злая и беспокойная.

с. 59

Глава XIII. Срыв

Неприятности всегда приходят пачками. Но сегодняшняя неприятность коснулась не меня одной, а взволновала весь лагерь. Было так.

Александр Яковлевич дал всем разные задания. Я с Шустовым и Савченко брала пробу озёрной воды. Мы заметили, что когда долгое время стоишь в озере, например стираешь, то на руках и ногах остаётся белый налёт. Вода на вкус чуть-чуть горьковатая. Мы решили, что в воде растворено много солей. И действительно, наш анализ показал, что на литр воды приходится около 0,15 грамма солей.

К обеду мы всё заканчиваем, и А. Я. проверяет наши работы. Слава Арканов возвращается из музея с новыми выписками из летописей. Ему очень нравится язык летописцев. Он начинает свой отчёт Александру Яковлевичу замогильным голосом и такими словами:

«В то лето приидоша иноплемннии, глаголемые татарове... множество без числа, и взяша Москву и Переславль».

Из Рыбачьей слободы, раскинувшейся по обоим берегам Трубежа, приходит Веня. Он приносит с собой карту миграции ряпушки и диаграмму среднего улова рыбы за последние годы.

Бессонов и Васильков работали на озере. Толя делает вид, что не замечает моей обиды, и разговаривает со мной, как всегда, но я отвечаю очень коротко, а сама с ним не заговариваю. Работу он сделал хорошо, хотя выражается слишком уж гладко, как профессор. Даже противно слушать, как он докладывает:

«В настоящее время озеро представляет собою обширный бассейн, длина которого 9,5 километра, ширина 6,5 километра, поверхность воды 49,38 квадратного километра, а глубина достигает 25 метров, но подступы к глубинам озера проходят через береговую мель, которая тянется вширь метров на 200».

с. 60 Приходит и Квадратный. Он занимался топографической съёмкой на карьере. Лицо у него словно смазано йодом, так он загорел за эти дни. Он тащит тяжёлый штатив от фотоаппарата. Сам аппарат испортился через день после приезда, и Коля приспособил штатив для работ по топографии местности.

— Что же ты один? — спрашивает А. Я. — Где же Сёмин?

— Не знаю. Я его не видел.

— Как не видел? Он с Рюминым должен был на карьере измерять пласты песка.

— Не видел, Александр Яковлевич, — говорит Николай. — Может быть, они как-нибудь с другой стороны зашли.

А. Я. видимо обеспокоен. Наверное, мама уже говорила ему о вчерашней выходке Сёмина, и он тревожится, как бы Ваня опять чего-нибудь не натворил.

Мы уже кончаем обед, когда Сёмин приходит. Он идёт весёленький и что-то прячет под курткой. Серёжа Рюмин уныло плетётся сзади.

— Смотрите, ребята, что я принёс!

Ваня распахивает курточку, которую надевает всегда, даже в такую жару, как сегодня, и мы видим круглую белую мордочку, толстые лапы и чёрные блестящие глаза.

— Ой, щенок! — кричит Оленька. — Пусти его на землю!

Щенок ещё плохо стоит на ногах, они разъезжаются во все стороны. Но он пытается бегать, звонко и задорно твякает и машет коротким толстым хвостиком. Такой он смешной, пушистый и трогательный, что я, не выдержав, хватаю его на руки. У щенка туго набитый тёплый розовый животик, и пахнет от него, как от всех маленьких собак, бульоном.

— Где ты взял щенка? — спрашивает А. Я.

— Нашёл на карьере.

— А ты был на карьере?

— Как же, всё время там работали.

— Почему же Белов вас не видел?

— Не знаю, где был Белов, — говорит Ваня, — мы в том самом месте работали, где вы велели.

Квадратный хочет что-то сказать, но, очевидно, решает не подводить Сёмина под новый выговор и делает вид, что открыл рот затем, чтобы зевнуть.

с. 62 — Ну, хорошо, а размеры слоёв снял?

— Да, Александр Яковлевич.

— Ну, и что же ты там обнаружил?

— Там... всё больше глина, — говорит Ваня.

— Глина? — удивляется Бессонов. — Там, где мы решили измерять, девять слоёв песка один на другом.

— Да, есть и песок, — торопится Сёмин, — как же: песку сто сантиметров и глины сто пятьдесят.

А. Я. хмурится сильнее.

— Ладно, — говорит он, — мы твою работу, Сёмин, проверим.

После мёртвого часа сидим в нашей палатке. Туда же приходят Олег, Юлька, Толя и Женя. Сегодня почему-то обычного шума нет, и мы ведём серьёзные разговоры.

— С вами бывало, — спрашивает Толя и глядит на меня, — что вы приходите в какое-нибудь место в первый раз и вам кажется, что вы здесь уже были когда-то?

Я очень хорошо знаю это чувство, оно бывало у меня часто, но говорю безразличным тоном:

— Ерунда какая! Никогда ничего подобного не испытывала.

— А иногда, — говорит Женя, — прочитаешь слово неправильно, а потом всю жизнь читаешь его так. Я, например, ещё маленьким прочитал у Лермонтова вместо «гяур» — «гуяр» и долго потом не мог произнести иначе.

— А я, — говорит Юлька, — всё у Вальтер Скотта читал «трубадуар» вместо «трубадур», пока папа мне не сказал: «Юлий, повтори. Что это ты читаешь!»

— А со мной что было! — говорит Галя и хлопает ресницами. — Когда я первый раз в нашу школу пришла — поступать в шестой класс, — смотрю, в учительской над письменным столом висит железная рука. Ну, держалка такая. В ней какие-то бумаги, а над рукой надпись: «Неудачные счета». Очень мне захотелось узнать, что это такое. Я тогда в первый раз увидела Александра Яковлевича, подошла к нему и вежливо спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, что такое „неудачные счета“?» А. Я. на меня поглядел удивлённо и говорит: «Где?» Я его подвела и показала. А он засмеялся и спрашивает: «Ты в шестой класс поступаешь, а читать как следует не научилась! Где же ты нашла „неудачные счета“? Здесь написано „неоплаченные“».

«Неудачные счета» всех смешат. Жучок смеётся, навалившись на Наташин рюкзак.

— Осторожней! — кричит Наташа. — Отодвинься от рюкзака! Наверно, уже раздавил что-нибудь.

— Ничего я не раздавил. Хочешь, проверю?

Олег запускает руку в мешок и достаёт смятый и расплющенный тюбик с зубной пастой. Тюбик лопнул, и паста вылезает из него.

— Ну вот, — надувается Наташа, — я так и знала.

Но Олег, кажется, не особенно огорчён. Держа в руках разорванный тюбик, он медленно обводит глазами палатку, выбирая жертву.

— Ой, ребята! Сейчас пастой кого-нибудь вымажет. Я по глазам вижу. Защищайтесь!

И Юлька набрасывается на Олега сзади. Мальчики кидаются на подмогу.

Олег лежит посредине палатки. Его крепко держат за руки и за ноги.

— Честное слово, никого не хотел обижать! — вопит Олег. — Только Гале чуть-чуть нос собирался помазать.

— Ах, так?!

Тут и девочки не выдерживают:

— Держите его, ребята, держите крепче! Мы его сейчас разрисуем.

Олегу делают усы и бороду, потом брови из пасты, потом цветочки на щеках. Как он ни вертит головой, как ни фыркает, ничего не помогает.

— Жуков, Бессонов, вы сейчас пойдёте с Сёминым на карьер и проверите его работу, — говорит А. Я. совсем близко около палатки. — Вы чем там занялись?

— Мы рисуем, папа, — говорит Юлька и грозит нам, чтоб не шумели.

Все замирают: и лежащий на земле Олег, и ребята, что держат его, и наблюдатели.

— Да, — говорит А. Я., заглянув в палатку, — живописцы вы искусные, только живо стирайте краски с вашей палитры.

Олегу протягивают полдюжины полотенец, но он бежит умываться на Куротню.

Мальчики уходят, а мы занимаемся дневниками и... щенком.

Решаем назвать его Мишкой. Он ведь похож на маленького медвежонка.

с. 65 Перед ужином в лагере появляются колхозница и два мальчугана лет по восьми. У одного глаза красные, губы дрожат, видно плакал. Женщина требует руководителя и, увидев А. Я., сразу начинает кричать:

— Это что же? Разве так должны московские ребята поступать? За что мальчишку обидели? Парень обрелся весь.

— Постой, тётенька, не кричи — я так ничего не пойму. Пусть мальчик сам расскажет. Тебя как зовут? — спрашивает А. Я.

— Петя.

— Ну, Петя, объясни толком, кто тебя обидел.

Паренёк снова всхлипывает. Светлые глаза жалостно мигают:

— Кутёнка отнял! Сперва всё продать просил, а я говорю — непродажный кутёнок. Так он отнимать начал, а я не отдаю, а он как... как... толкнёт меня! Я испугался и убёг и кутёнка выпустил, а он унёс.

Петя плачет, отвернувшись от нас, вытирая слёзы картузом. Плечи у него вздрагивают, и мне делается мучительно жалко смотреть, как он, точно взрослый, хочет перебороть себя, перестать, и не может.

Я вижу, как темнеет лицо у Квадратного, как он быстро переглядывается с Женей и опускает глаза.

— Постой, — говорит А. Я. совсем тихо. — Кто это «он»?

— Да ваш, ваш лагерный! — снова кричит женщина. — Двое их было. Один-то не вмешивался, поменьше который, а другой, здоровенный, вот какой пример подаёт. Московские приехали, думали, чему доброму научат, а от них населению обида одна.

— Какой щенок был? — спрашивает А. Я.

— Бе... беленький, аккуратненький кутёночек. Я думал, выращу...

— Не плачь. Юля, принеси щенка.

Взволнованный Юлька мчится в палатку и приносит заспанного ворчащего Мишку.

— Твой? — спрашивает Юлька и суёт щенка Пете. — Получай. Жив и здоров, видишь?

Мальчик так схватывает Мишку, что тот взвизгивает коротко и удивлённо, а Петя, уткнувшись в короткую белую шерсть щенка, опять плачет,

— Ну, сынок, сынок! — наклоняется к нему мать. — Цел твой кутёнок. Кончай реветь-то!

— Рюмин, поди сюда, — зовёт А. Я., и когда Серёжа подходит, он спрашивает Петю: — Этот мальчик?

с. 66 — Это второй, — отвечает Петя. — Тот такой большой был...

— Мы знаем, кто это, — говорит А. Я., — и вы, гражданка, не беспокойтесь. Он будет наказан строго. Вы хорошо сделали, что пришли сюда. Если бы мы этой истории не узнали, оставался бы среди нас плохой товарищ, скверный пионер. А теперь мы будем знать, как поступить с ним. Только на всех ребят из-за него не сердитесь. Я вам ручаюсь, что никто из них этого не сделал бы.

— Да ладно, что уж! — говорит женщина. — Только проучите этого архаровца, чтоб вперёд не безобразничал.

Они уходят. Мама в третий раз зовёт ужинать, но никто не двигается.

— Идём ко мне, — говорит А. Я. Рюмину, — расскажешь всё, как было. А вы ужинайте, ребята.

Наташа и Надя разносят ужин. Совсем не хочется есть — так расстроила нас эта история.

Все говорят одновременно, никто не слушает друг друга.

— На весь лагерь позор! — кричит Юлька.

— Нашёл с кем связаться, с маленьким мальчишкой... — грустно говорит Женя Савченко.

— Ребята, а как А. Я.-то за нас поручился!

Из темноты неожиданно появляются Толя и Олег, ходившие на карьер. Все замолкают, и в молчании они садятся ужинать. Бессонов щурится — значит, злится. Но ведь он ещё ничего не знает.

— Ну как, проверили? — не выдерживает Юлька.

— Всё наврал, — тихо говорит Толя. — Глины нет вовсе. Там сначала серый слой — двадцать три сантиметра, а потом идут пески — коричневый, желтоватый, светло-жёлтый, зелёный даже есть, а в самом низу белый ил с ракушками. Я же знал, что Ваня не был на карьере. Николай не мог его не видеть.

— Он в другом месте был. Александр Яковлевич скажет ему где! — говорит Квадратный.

— Ладно, не запугивайте, — огрызается Сёмин. — Если сами трясётесь вечно, чтоб не проштрафиться...

— Ты помолчи, — серьёзно говорит Галя. — Лучше поешь хорошенько. А то на голодный желудок глупости говоришь.

— Ешьте сами. Не видал я вашей каши!

Сёмин швыряет свою мисочку на землю. Ложка отлетает далеко в сторону, каша вываливается. с. 67

Поднимается страшный шум.

— Подними сейчас же! — кричит Олег. Он даже побледнел и, кажется, ещё немного — ударит Сёмина.

— Тише, — говорит Толя: — Александр Яковлевич!

А. Я. стоит перед Ваней и смотрит на него очень внимательно.

— Ты бросил? — спрашивает он.

— Я.

— Подними, — не повышая голоса, говорит А. Я. — И после ужина придёшь ко мне в палатку.

— Могу и сейчас пойти!

— Сначала поднимешь.

Ваня не двигается.

— Ну! — кричат в один голос Толя, Николай и Олег.

Сёмин медленно поднимает миску и ложку и, не глядя на ребят, идёт за Александром Яковлевичем.

Они говорят долго. Мы не можем дождаться конца разговора — засыпаем.

Утром Сёмин собирает вещи и уезжает в Переславль с машиной, которая доставляет нам хлеб. Он такой жалкий и убитый, что Оленька, Наташа и даже Олег бросаются к Александру Яковлевичу и уговаривают его оставить Ваню.

— Вы помните наш устав? — спрашивает А. Я. — Нарушивший его выбывает из экспедиции. Сёмин нарушил его не раз: обманул весь коллектив, позволил себе непростительную выходку, обидел ребёнка. Его подхватило и понесло, что называется. Человек сознательный должен чувствовать свою вину, чтобы другой раз не провиниться. Мне кажется, что Сёмин по-настоящему почувствовал, как он виноват. Может быть, в будущем году он поедет с нами и будет образцовым членом экспедиции.

— Да, это безусловно педагогично, — серьёзно говорит Олег.

После чая он отводит в сторону Серёжу Рюмина и говорит:

— Ну, дружок твой уехал. Смотри держись, а то и с тобой то же будет.

И «педагогично» показывает ему кулак.

Глава XIV. Вёкса

Сегодня назначена экскурсия к реке Вёксе. Мы торопимся позавтракать, чтобы выйти пораньше. Ту сторону, за пионерлагерем, мы знаем ещё плохо, и поэтому все радуются, что увидят новые места. Оленька даже надевает своё лучшее платье, белое в голубых колечках. с. 68

Проходим потоки Сосенку и Колыберку, идём мимо жилища переславских пионеров; они выбегают навстречу.

По сторонам узкоколейки пейзаж всё время меняется. Сначала нас окружают высокие, сильные сосны. Наши ботаники считают круги на срезе одной сосны и насчитывают восемьдесят пять.

— Много лет стояло дерево, — говорит Галя, — и спилено, должно быть, недавно. Смола совсем свежая.

Дальше идут вырубки, поросшие молодым березняком, а потом начинаются унылые чёрные поляны, обгорелые пни. Здесь был лесной пожар.

— Сверху почва подзолистая, внизу сплошной песок, — слышу голос Юрки Василькова.

— А почему вода такого цвета? — спрашивает А. Я.

Вода в небольших канавах возле узкоколейки густо-коричневая.

— Торф, торф! — кричат ребята.

— Эх, и красиво же! — говорит Женя.

На чёрном пожарище, среди обгорелых пней и обуглившихся деревьев, ещё ослепительней кажется пышная свежесть молодой травы. Заросли — зеленой зелёного, такие зелёные, что кажутся ядовитыми, — окружают коричневую тихую воду. Навытяжку стоят высокие жёлтые и лиловые ирисы.

— Девочки, у нас таких нет, рвите скорее!

— Подожди, Оля, — останавливает А. Я. — На обратном пути сорвёте. Ведь завянут. Нам идти ещё далеко.

Около потока Сиваныч почва сильно понижается. С обеих сторон болотистый луг, заросший березняком. Мальчики хотят дополнить карту, которую по пути набрасывает Николай, и сворачивают влево. Я иду с ними.

с. 70 Мы доходим до места, где Сиваныч расширяется и делается похожим на пруд. Веня уверяет, что мы ошиблись и вместо Сиваныча набрали на какую-то лужу. Но оказывается, что в этом прудишке есть течение. В него впадают два ручья. Мы исследуем их и решаем, что большой ручей и есть Сиваныч, а маленький — его приток. Коля наносит всё это на карту.

Возвращаемся к узкоколейке. Теперь хочется посмотреть, что делается справа от дороги. Идём по узкой тропинке через низкорослый березняк. Сквозь деревья видна голубая даль озера.

— Смотрите, дом! — кричит Валя Веселов.

— Кто тут живёт? Старичок-лесовичок? — спрашивает Юлька.

— Никто не живёт, наверно, а в непогоду рыбаки прячутся, — говорит Муза.

Подходим ближе и останавливаемся разом. Какой-то шум, возня, и из хижины выпархивает огромный коршун. Широко расправив крылья, он легко набирает высоту. Несколько секунд парит над нами, а потом сильно и стремительно уносится за лес.

— А там внутри, может быть, второй?

Но в хижине никого нет, валяются птичьи перья — должно быть, коршун здесь завтракал. Шустов говорит, что это пёрышки дикого утёнка.

У входа в хижину, на земле, следы костра. Квадратный и Жуков обследуют их и решают, что люди были здесь шесть-семь дней назад.

— Смотрите, — замечает Юра Васильков, — рогатка зацвела!

Берёзовая развилка, воткнутая в землю около костра, пустила нежные блестящие отростки.

— Пойдите, — удивляется Жучок, — ведь это берёзовая рогатка, а не ивовая. Первый раз вижу, чтобы берёзка так принялась. Ведь она без корней, и, наверно, конец заострён. Чтобы так глубоко загнать её в землю, надо было обтесать конец.

Он осторожно вытаскивает палку из земли. Действительно, конец её затёсан клином.

— Галя, Оля, — зовёт Николай, — идите сюда! Удивительное явление в ботанике.

Девочки прибегают и тоже долго удивляются:

— Смотри, другая рогатка по ту сторону костра совсем сухая.

— Она из сухой ветки сделана, а эта из свежей.

Наконец ботаники решают, что в этом месте очень близки грунтовые воды и что они приносят достаточно питания для того, чтобы берёзка принялась.

с. 71 Возвращаемся на дорогу. А. Я. поджидает нас.

— Здесь нам сворачивать. Сюда, ребята.

Входим в лес. Прохладно. Много берёзы, ольхи, липы, начинающей зацветать. Воздух в лесу сладкий; эта сладость прилипает к концам пальцев, и если потом поднести руку к лицу, опять услышишь слабый медовый запах.

— Чёрная смородина! — радуется Юлька.

— Пока не чёрная ещё, а зелёная, — поправляет Валя.

Однако мы так радостно накидываемся на зелёные твёрдые шарики, что А. Я. торопится скорее увести нас дальше.

Вот наконец и Вёкса.

— Поворотливая какая! — говорит Юлька.

Вёкса в самом деле очень извилиста. Вьётся она среди ярких болотистых берегов. Переправы нет никакой.

— Привал!

— Единственная речка, вытекающая из озера, — говорит Толя.

— Потому и течение в озере есть — да, папа? — спрашивает Юлька.

— Конечно. Впадает сравнительно большая река Трубеж, вытекает Вёкса — они и создают течение. Мелкие вливающиеся потоки можете не считать.

— А Вёкса — чудное слово.

— Предполагают, что корень этого слова финский. Может быть, прежде она называлась Вуокса, — говорит Слава Арканов.

— Вёксами народ зовёт короткие протоки, соединяющие два озера или две реки. До впадения в озеро Сомино эта река зовётся Вёксой, а дальше течёт в Волгу как Большая Нерль.

— Как же быть-то? Ведь лодку нужно, иначе промеры не сделаешь. Тут глубоко, — беспокоятся гидрологи.

— Ну, ребята, кто переплывёт на тот берег? Там, очевидно, рыбацкий дом, можно достать лодку, — говорит А. Я.

Кажется, никому не хочется сегодня лезть в воду. День прохладный, облака то расходятся, то опять заволакивают солнце.

— Ну, что же вы? — ехидничают девочки. — Только на словах молодцы?

Олег храбро раздевается, насмешливо смотрит на ребят и подходит к воде. Пробует ступить одной ногой, потом другой, и постепенно гордое выражение лица сменяется кислой, недовольной миной. Махнув рукой, Жучок идёт одеваться.

— Что-то мне не захотелось плавать, — говорит он хохочущим ребятам.

— Я могу переплыть. Кто со мной? — спрашивает Квадратный.

— Пожалуй, я пойду, — медленно, как всегда, говорит Валя Веселов и обстоятельно объясняет: — У меня судорог не бывает, и я не простуживаюсь никогда. Мне даже мама позволяет купаться во всякую погоду. Правда, Муська?

Коля и Валя с размаху бросаются в воду. Плавают оба действительно хорошо.

Ждём мы их довольно долго. Наконец из-за поворота реки показывается лодка. Гребут ребята, а старик-рыбак важно сидит посредине.

— Здравствуйте, — говорит он. — Вот пристали молодые люди — дай да дай лодку, Вёксу мерить будем. Зачем же это вам Вёксу мерить?

А. Я. объясняет рыбаку, что все мы географы, что на экскурсиях ребята приучаются к серьёзной работе и что мы должны будем потом написать подробный отчёт о Плещеевом озере, о Вёксе, обо всём этом крае.

— О-о! — говорит старик. — Для своего интереса, значит? Ну, посмотрю я, как вы измерите Вёксу.

— Дедушка, — спрашивает Веня, — ты не помнишь нас? Ты ведь был у нас в лагере.

— А, под Куротней! — оживляется старик. — Верно, верно, ещё рыбкой поделились. А я думал, это другие ребята. Значит, старые знакомые.

— Лодка твоя, дедушка?

— Нет. Знакомый рыбак дал на сегодня.

Гидрологи Толя и Николай вбивают на берегу колышек и привязывают к нему верёвку. Затем переправляются на лодке к другому берегу, натягивают верёвку и измеряют ширину реки.

Потом измеряется скорость течения. Верёвка протягивается по одному берегу между двумя колышками. Около первого колышка стоит Квадратный. В руках у него пустая плотно закупоренная бутылка.

— Замечайте время, Александр Яковлевич! — кричит он.

— Есть, — отвечает А. Я. — Пускай!

Бутылка, покачиваясь на воде, плывёт вниз, ко второму колышку, где Толя, заметив время, когда она подошла, ловит её.

Глубина реки измеряется в нескольких местах.

— Ну вот, — докладывает Николай: — ширина Вёксы здесь восемнадцать метров, течение — один и семьдесят пять сотых метра в секунду, глубина — от шестидесяти пяти до ста семидесяти сантиметров.

Старик, кажется, доволен.

— Да, — говорит он, — вот она какая, Вёкса-то! А что же ты, рыбачок, рыбачишь? — спрашивает он Веню.

— Как же, дедушка, всё время.

— Ты корзуху-рыбу видал?

— Нет, никогда не видал.

с. 72

с. 73

— А вот посмотри. Есть она у меня.

Старик приносит своё ведёрко с рыбой и показывает ребятам корзуху. Это плоская рыбка с маленькой головкой.

— Так это же густера!

с. 74 — Верно, густера. А по-нашему корзуха. Я думал, ты не знаешь, а ты рыбак дельный, оказывается.

— Это густера, — говорит Веня, очень довольный, что рыбаку не удалось поддеть его, — из семейства карповых, тихую воду любит. Малоценная рыба.

— Уж ты скажешь, малоценная! Наша рыба самая лучшая. Ещё Александр Невский её ловил. В кино-то видал, небось? Это здесь снимали. И я снимался. Белую рубаху выдали, порты. Тянул невод вместе с этим... ну, что Александра представлял. Быстрый он такой, норовистый.

— Дедушка, перевези нас всех теперь на тот берег, пойдём на торфоразработки, — говорит А. Я.

— Ну, садитесь по очереди. Сперва девчат, что ли, давайте.

Мы переправляемся на другой берег. Старик делает вид, что не хочет брать с нас денег за перевоз, но потом берёт и обещает ещё прийти к нам в лагерь.

По берегу мы незаметно доходим до пристани, далеко вдающейся в озеро. Это эстакада, по ней проложены узкие рельсы. Вагонетки, гружённые торфом, безостановочно бегут к концу эстакады. Здесь грузят торф на баржи. По другому пути пустые вагонетки возвращаются обратно. Погрузка идёт быстро, народу занято много. Широкая чёрная баржа, очевидно, уже нагруженная до отказа, отходит в сторону. Её место занимает другая.

— Баржи-то не самоходные, — говорит Юлька, — на буксире ходят. Подойдёмте ближе, надо всё хорошенько посмотреть.

Но старшие мальчики уговаривают А. Я. идти дальше на торфоразработки.

— Не стоит смотреть с конца, — уверяет Женя Савченко. — Погрузка — это самое последнее. Теперь торф отвезут в Переславль и сожгут на электростанции. А нам интересно посмотреть, как его добывают.

Александр Яковлевич с Женей согласен. По-моему, совсем не важно, что смотреть сначала, но спорить я не могу — очень больно ногам. Все ребята в ботинках, а я, Надя и Коля идём босиком. Квадратный шагает храбро, а мы с Надей часто останавливаемся. Мелкие камешки, кусочки угля колют ноги. Я уже плохо вижу всё, что делается кругом, думаю только о том, как бы опять не наколоться.

с. 75 Вижу, как у Нади краснеет лицо, как она морщится, и изо всех сил стараюсь не показать, что мне больно, но под ногу подвёртывается такой острый камешек, что я взвизгиваю.

— Ты что так вякаешь, Тоня? — спрашивает Венедикт.

— Наколола? Покажи, — подбегает ко мне Толька. — Возьми мои ботинки, я прекрасно дойду босиком.

— Не нужно, — отвечаю я, а сама умоляюще гляжу на Венедикта.

— Ну, возьми же, Тоня, не упрямясь!

— Не желаю.

Неужели Веня не понимает, что я действительно не могу идти, а у Тольки ботинки не возьму ни за что!

Но Веня понял: он стаскивает с ног тапочки так быстро, словно собирается бросаться в озеро:

— На мои тапки, в них будет удобнее.

Я радостно хватаю тапочки, а Толя сдержанно говорит:

— Как хочешь!

Он отдаёт свои ботинки Наде.

Теперь идти не больно, и я опять вижу окружающее. Кругом печальное болото, лес вырублен и выкорчеван. А. Я. говорит, что это болото тянется на семь километров.

— Слышите гудок? — спрашивает Юлька.

В самом деле, слышен сильный протяжный гудок. Что это? Ведь здесь не может быть никакой фабрики, на этом скучном, ровном болоте. Только в конце его видны не то домики, не то машины и около них люди. Земля там почему-то красная. Олег уверенно заявляет, что здесь большие залежи красного песка, но когда мы подходим близко, оказывается, что это просто цветы — гвоздички.

Нам стыдно отрывать людей от дела и просить их рассказать о добыче торфа. Но седой бригадир, узнав, что мы пришли издалека, становится приветливым и терпеливо объясняет всё, что мы хотим узнать.

Рабочие слаженно и мерно поднимают деревянными лопатами торф из широкой канавы. Лопаты здесь особенные, они гораздо уже и длиннее обыкновенных. У них остро отточенная железная насадка. Такая лопата лучше режет и не стирается.

Машины, которые мы видели издали, действительно похожи на домики на колёсах.

— Даже дым идёт из трубы! — удивляется Валя Веселов. — Николай, ты дым обязательно нарисуй, — пристаёт он к Белову, нашему художнику. с. 76

— Это элеваторная установка, — говорит бригадир, — а дым идёт потому, что работает паровая машина. Топлива кругом много, — и он указывает на высокие штабеля высушенного торфа.

— Электричества, значит, у вас ещё нет?

— Да, пока по-старинке работаем. В этом году обещают дать электродвигатель.

К двери домика ползёт стальная дорога — транспортёр. Рабочие бросают крупные куски торфа на эту движущуюся ленту, и транспортёр уносит торф в пресс.

Пресс помещается внутри домика элеваторной установки. В нём торф перемешивается, оставшиеся волокна растений перетираются.

— На что, по-вашему, похож пресс? — спрашивает бригадир.

— На мясорубку! — кричат ребята.

— Вот-вот. Там внутри ножи, такие же, как в мясорубке. А вот эта часть пресса называется мундштуком.

Из широкого отверстия мундштука ползёт чёрная вязкая масса разрыхлённого торфа и ложится на другой транспортёр, проходящий под мундштуком. На транспортёре — ровные, одинаковые дощечки. Быстрыми ударами ножа рабочие рассекают торф на бруски, и дощечки убегают правильными рядами в сушку. Сушат торф в поле, на воздухе. Свободные дощечки по третьему транспортёру возвращаются обратно к прессу.

— Несложное производство, — говорит Толя.

— Устарелое очень, — замечает бригадир. — Теперь уже во многих местах работают гидроэлеваторные установки. Там залежи торфа размываются водой.

Высушенные брусочки торфа складываются в штабеля, похожие на усечённые пирамиды. Многие штабеля, наверное, сложены давно, потому что на одном выросла кривая берёзка.

Когда мы собираемся уходить, вся установка тоже трогается с места. Машинист тянет за ручку, раздаётся короткий сильный гудок, и передвижной дом медленно ползёт.

Нам объясняют, как ближе пройти к узкоколейке. Галя запекает любимую нашу песню:

Ну что ж, друзья, наш путь далёк,
Скорей на запад, на восток!

По дороге А. Я. спрашивает нас, всё ли нам понятно в добыче торфа. с. 77

— Всё, всё понятно.

А вот как образуется торф, знают не все. Толя рассказывает ребятам, что торф это скопление остатков отмерших растений, которые не сгнили, а превратились в эту тёмную, способную гореть массу.

— А почему не сгнили?

— Потому что лежат в воде, где кислорода мало. Ведь гниение — то же горение, только медленное. Без кислорода оно протекает иначе. Постепенно всё болото или озеро наполняется отжившими растениями, верхние слои давят на нижние. Растения обугливаются и спрессовываются.

— А сколько времени надо, чтоб растение обратилось в торф?

— Торфообразование — очень медленный процесс, — говорит А. Я. — Торфяник глубиной в шесть-семь метров образуется восемь-десять тысяч лет.

— Так много! Даже представить себе трудно. Меньше метра в тысячу лет!

Тропинка бежит среди кочек, кругом болотистый луг. Юлька находит по дороге белый речной песок и мелкие ракушки. Очевидно, болото было когда-то дном водоёма.

Впереди меня — Оленька Красногорская, как всегда с огромным снопом цветов. Она рвёт их всюду, куда бы мы ни пошли; половина их потом выбрасывается, но в следующий раз Оленька опять приносит в лагерь свои «веники».

— Смотри, какие незабудки! — показывает она.

Среди кочек — небольшой яркий лужок, и на нём нежный узор незабудок, как голубой бисер по зелёному бархату.

Оленька кидается туда, и через секунду я слышу испуганный, птичий какой-то крик.

Оборачиваюсь и не могу ничего понять. Оленька, очевидно, споткнулась и упала. Но почему же она не встаёт, а тянет к нам руки и жалобно повторяет какое-то слово, которое я никак не могу разобрать?

«Сломала ногу!» — приходит мне в голову.

Бросаюсь к Оленьке, но А. Я. хватает меня за руку:

— Осторожней, тряси́на!

с. 78 У меня сразу ноги становятся ватными и в животе делается холодно. Ведь столько раз я слышала об этих обманчивых зелёных лужайках среди болот, столько А. Я. предупреждал нас быть осторожными!

— Ребята, отойдите, не толпитесь, распоряжается А. Я.

Оленька провалилась до пояса. Так страшно смотреть на бледное-бледное лицо и умоляющие перепуганные глаза среди голубых цветов и нежной зелени.

А. Я. протягивает Оленьке свою палку. Сам он стоит на краю болота, и мальчики крепко держат его. Оленька тянется изо всех сил и наконец хватается за палку.

— Держись, держись, сейчас вытянем! — кричит Квадратный.

Ещё минута, и они вытаскивают Оленьку на твёрдую землю. Она смотрит на нас, ничего не понимая, глядит на своё перепачканное чёрной жидкой грязью платье, опять испуганно хватается Александра Яковлевича за рукав и, опустившись на кочку, плачет громко и судорожно.

— Оля, ну что ты? Ведь всё прошло, ничего страшного не случилось.

— Оставьте её, пусть поплачет. Она испугалась, — говорит А. Я.

Он даёт ей поплакать, а потом спрашивает:

— Оля, тебя тянуло вниз или ты под ногами чувствовала твёрдую почву?

— Чувствовала, Александр Яковлевич, — говорит Оленька. — Я сразу провалилась, а дальше проваливаться уже не стала, и под ногами было твёрдо.

— Ну, это ещё не страшная тряси́на, — говорит Жучок, — а ведь есть такие, куда человека затягивает. Он медленно погружается: сначала ноги не может вытащить, потом по горло, потом его с головой накрывает.

Оленька слушает, расширив глаза и открыв рот, и, кажется, опять собирается плакать, но А. Я. кладёт ей руку на плечо и говорит:

— Ну, довольно. Скорей в лагерь.

Около моста через Вёксу, где проходит Калязинский тракт, что ведёт от Переславля до города Калязина-на-Волге, мы останавливаемся.

Александр Яковлевич бродит по канаве, собирая осколки каких-то пород. А мы «купаем» Оленьку. Теперь страшно оставлять её одну — всё кажется, что с ней что-нибудь ещё случится.

Платье почти добела отстирано. Только на подоле остаётся широкая желтоватая полоса.

с. 80 Чёрные глаза Оленьки опять светятся ласково и задорно, она совсем успокаивается и жалеет только о том, что «веник» остался около тряси́ны.

В лагере мама ворчит на всех, что недоглядели за Оленькой, и ставит ей градусник. Температура нормальная.

За обедом Оленьку заставляют есть как можно больше.

— Нужно же, — говорит Юлька, — возместить энергию. Сколько она потратила на рыдания!..

Глава XV. Второе открытие Америки

— Посмотрите, ребята, внимательно на этот осколочек и скажите, что это за порода.

На ладони А. Я. лежит серый треугольничек почти правильной формы, с волнистыми поперечными линиями.

— Позвольте взглянуть, — протягивает руку Олег.

— Нет, вы мне так скажите, не берите в руки.

— Больше всего на глину похож.

— Правильно, это глина, только особенная.

А. Я. переворачивает осколок. С другой стороны он оказывается не серым, а розоватым, и на нём двумя правильными рядами идут круглые ямочки.

— Что же это такое?

— Не знаете?

— Нет.

— На какой-то черепок похоже, — решает Галя.

— Верно! Это осколок посуды первобытного человека.

— Ой, Анне Ивановне надо показать! — И Юлька бросается к маме с криком: — Анна Ивановна, хотите посмотреть, в чём первобытные народы кашу варили?

— А где вы его нашли, Александр Яковлевич? — допытываются ребята.

— На Вёксе, около моста.

— Что же вы сразу нам не сказали? Может быть, там ещё что-нибудь было!

— Вероятно, это стоянка первобытного человека, и я думаю, что подобных вещей там немало. Вчера я не хотел вас задерживать, очень уж вы все устали и проголодались, а сейчас, если хотите, идёте туда.

— Ещё как хотим!

Мы собираемся мгновенно. Мальчики захватывают с собой лопаты и почему-то верёвки. с. 81

Сегодня дорога до Вёксы кажется совсем короткой, хоть и очень жарко, трудно даже дышать, и Муза предсказывает дождь.

Около железнодорожного моста через Вёксу А. Я. останавливается:

— Здесь, ребята.

Он показывает на канаву. Она тянется от моста до Калязинского тракта.

— Канавы, по-видимому, недавнего происхождения. Травой она ещё не заросла. Я думаю, что по бокам её нам и нужно искать.

Мы рассыпаемся по канаве. На стенках кое-где видны тёмно-серые отложения.

— Зола? — спрашивает Бессонов.

— Несомненно, — говорит А. Я.

— Нашла! — кричит Оленька и протягивает А. Я. большой розоватый черепок, тоже украшенный крупными вмятинками.

— И я нашёл! Только не знаю, что это. с. 82

Игорь Шустов показывает продолговатую вещицу из твёрдого розового камня. Она обточена со всех сторон и суживается к концу.

— Какое-то орудие: нож — не нож, долото — не долото.

А. Я. объясняет, что это наконечник копья, а породу мы определяем сами: это кремь.

— Я вот их скелета кусок нашёл, — мрачно говорит Юлька и протягивает кость, явно лошадиную.

Стоянка очень богатая. Мы работаем около трёх часов и сносим всё найденное в одно место. Здесь множество черепков с круглыми ямками, кусочки обделанного кремня и даже обломки каменных топоров.

Ребята хвастают друг перед другом находками, но красивей розового гладкого наконечника, отысканного Игорем, нет ни у кого.

Копать мальчикам почти не приходится. Черепки и кремни или лежат на поверхности, или торчат из земли. Очевидно, по-настоящему взрыли стоянку рабочие, копавшие канаву, но не обратили внимания на черепки и кремни.

— Довольно! — командует А. Я. — Давайте рассортируем, что нашли. Всё тащить с собой невозможно.

Начинается разборка наших сокровищ. Хочется унести всё, но А. Я. отбирает только самые крупные и хорошо сохранившиеся образцы.

— А с остальными что сделаем? — спрашивает Оленька.

— Давайте зароем опять, — предлагает Юлька, — только разбрасывать не будем, а зароем всё вместе под сосной. Пусть ещё кто-нибудь найдёт и обрадуется.

— Правда, нам не жаль, — соглашается Валя Веселов. — Стоянка-то ведь наша всё равно. Мы её открыли.

— Правда, Александр Яковлевич? Мы открыли стоянку? Про нас теперь напишут в газете: «Стоянка древнего человека, открытая экспедицией Кратовской школы». Здорово ведь? — волнуются ребята.

— Мы её открыли или нет, это ещё надо проверить, — говорит А. Я.

Но такая осторожность ребятам не нравится.

с. 83 — Что тут проверять! — горячится Веня. — Если бы кто-нибудь до нас открыл, он бы всё это унёс с собой, не оставял бы тут. Нет, это наша стоянка. Мы на неё заявку сделаем, как золотоискатели.

Ребятам хочется знать, что за народ жил здесь в давнишние времена, но Александр Яковлевич говорит, что этого учёные с достоверностью не знают. Кроме того, стоянкой, очевидно, пользовались различные племена.

— А жили, наверно, ничего, неплохо, — говорит Валя Веселов. — Ребятишки у них тут бегали голенькие, огонь из сухого дерева высекали, рыбку ловили на озере и на Вёксе.

— Значит, это место и тогда от воды было свободно, — решает Толя.

— Александр Яковлевич, послушайте, как я записала приметы стоянки, — просит Муза и читает по своей записной книжечке: — «Первое место, где обнаружена зола и черепки, находится в четырёх метрах от железной дороги. Здесь через Вёксу переброшен деревянный мост. Почва песчаная. Недалеко от переезда, в канаве стоит большая сосна с сухими ветвями на юго-восточной стороне».

с. 84 Мы сидим на валу канавы. Воздух дрожит от солнечного накала, от сосен пахнет крепким скипидаром; кажется, что звенят не одни кузнечики, а весь горячий, раскалённый воздух.

Квадратный роет яму под сосной, и мы осторожно складываем туда всё, что не берём с собой. Ребята засыпают яму и делают на дереве зарубки.

— Домой? — спрашивает А. Я.

— В Усолье, в Усолье! Мы давно хотим туда сходить.

— Не устанете?

— Мы теперь не устаём. Привыкли много ходить.

Усолье — большое, когда-то торговое село. Много лет назад в нём были соляные варницы. Следы их видны до сих пор. А. Я. уходит с девочками в контору лесхоза, а мы осматриваем село.

В конце села стоит вышка. С неё сторожа наблюдают, нет ли где лесного пожара. Нам очень хочется забраться на неё, но вышка, по правде сказать, страшная. Перила ненадёжные, и ступени скрипят очень неприятно.

Квадратный, Толя и Женя взбираются легко, а я стою внизу и никак не могу решиться, но когда вижу, что Юлька хочет подняться, тоже лезу вверх. Сердце так и замирает. Иду и боюсь дышать. Смотрю на Юльку. Он скосил на меня глаза и даже побледнел. Ему, видно, тоже страшно. Смотреть вниз невозможно, всё время боишься, что обломится ступенька.

Кое-как добираемся доверху. Бессонов смотрит на меня с одобрением. Наверное, опять думает: «Собственно, я не могу назвать Тоню трусихой». А я лезла вовсе не для того, чтобы доказать, что я не трусиха, а просто нельзя же было отпустить Юльку одного!

С вышки мы видим весь край. Вёкса крутит и петлит по зелени лугов. Перед нами чудесная гладь Плещеева озера, за ней вдаль голубеет Переславль. Направо видно небольшое озеро Сомино. Поверхность его сильно затенена лесом, и вода совсем тёмная.

— Как на карте, — тихо говорит Юлька.

— Страшно? — спрашиваю его.

— Нет, пообвыкся, — отвечает он и, увидев внизу Александра Яковлевича с ребятами, начинает петь «на весь мир», размахивая руками.

А. Я. грозит ему, снизу, но Юлька завывает ещё старательнее.

с. 85 Спускаемся все вместе. Вниз я шагаю смело, а Юлька почти бежит.

Александр Яковлевич купил в кооперативе пряников. Они твёрдые, но очень вкусные. Он раздаёт их нам, и, закусывая на ходу, мы отправляемся домой.

Перед ужином А. Я. раскладывает около своей палатки на полотенце все наши сокровища. Они выглядят очень красиво. Получилась интересная и большая коллекция.

А. Я. любовно перебирает черепки. Он так увлёкся ими, что не обращает внимания на обычный в это время дня галдёж.

— Эх, снять бы сейчас Александра Яковлевича! — вздыхает Квадратный.

Его фотоаппарат не работает, а у А. Я. и Бессонова нет больше пластинок.

Едва Коля произносит эти слова, как с дороги сворачивает к лагерю какой-то дяденька. Он в сером костюме и кепке, идёт лениво, не торопясь. Не доходя нескольких шагов до А. Я., он останавливается, достаёт из футляра «лейку» и щёлкает затвором.

Мы так хохочем, что А. Я. подымает голову и удивлённо смотрит на нас.

— Квадратный — колдун у нас! — кричит Юра Васильков. — Чего ни пожелает, всё сейчас же и сбудется.

Дяденька подходит ближе и спокойно говорит:

— Ну, колдуны, дайте поесть. Пешком шёл от Переславля. Устал. Вот моё удостоверение. Галкин Георгий Иванович. Прислали снимать вашу экспедицию из Москвы.

Георгий Иванович сразу понравился всем. Ребята потащили его умываться, усиленно кормили и устроили ему постель в палатке А. Я.

— Здесь и спать? — спрашивает Георгий Иванович. — Так, так... А если дождь?

— Дождя не будет, — успокаивает Юлька.

— Будет, — раздаётся откуда-то голос Музы. — Я с утра говорила.

— Ну, будет, значит вымокнем, — говорит наш новый гость. — Я пошёл спать. До завтра, ребята!

После этого мы Георгия Ивановича совсем зауважали.

Я зажигаю свечу и берусь за Пришвина. Читаю страницу за страницей, и вдруг сердце у меня ёкает. Глава называется «Стоянка первобытного человека». Читаю. Так и есть — наша!

Хочу вскочить и бежать к А. Я. Но в это время сухо и коротко раскатывается громовой удар, и девочки начинают визжать. Ещё через минуту синеватая вспышка молнии освещает палатку, и раздаётся новый, совсем оглушительный раскат.

Я очень люблю грозу. Ещё маленькой меня во время грозы нельзя было оторвать от окон, а когда удавалось убежать от старших, я сбрасывала с себя платье и босиком, в одних трусиках выбегала во двор. Крупные капли больно хлестали меня, ветер валил с ног, а я, счастливая, вытянув руки, бегала вокруг дома, пока мама не ловила меня и не уносила в комнаты.

Сейчас я лежу и прислушиваюсь к грозе. Ветер сильно треплет незавязанные полы палатки. Вот опять ударила молния. Воздух становится резким и свежим. Немножко страшно, и радостно, и хорошо.

— Тоня, ты спишь? — слышу вдруг голос Александра Яковлевича.

— Нет, а что?

— Пришвин не у тебя?

Эге, его тоже «грызёт» стоянка!

— А что? — спрашиваю я, еле удерживаясь от смеха.

— У него одно место описано под названием Польцо. Там они раскопали стоянку. Боюсь, что это наша и есть.

— Она самая, — говорю я и протягиваю ему книгу.

Обидно, конечно, что стоянку открыли не мы и так глупо сразу поверили, что она наша, но гроза не даёт мне думать об этом.

Едва успевает А. Я. отойти от палатки, как на лагерь обрушивается ливень. Капли стучат о полотно, словно торопятся вымочить нас как можно скорее. Такой ровный, спешный, деловитый стук.

— Хорошо! — кричу я и высовываю голову наружу.

— Тонька, ненормальная! Закрой палатку сейчас же — убьёт! — сердятся девочки.

Заснуть в эту ночь долго не удаётся. Вода тоненькими брызгами пробивается через брезент, подтекает снизу. Оленька вскакивает, потому что ногам вдруг становится холодно, и оказывается, что они в воде.

Долго мы возимся, закладываем щели, передвигаем свои подстилки, кутаемся во что попало и, наконец засыпая, слышим всё тот же стремительный шум дождя.

Глава XVI. Ботик

Сегодня после грозы озеро тишайшее, и солнце словно держит его своими лучами, не отпускает ни на минуту. Вся эта большая вода лежит в солнечных лучах, и ни малейшей тени нет на озере.

Чайки ослепительно машут своими косыми крыльями, и дышится так легко, что кажется — ещё раз вздохнёшь и сама улетишь.

Мы идём в Ботик, бывшую усадьбу Петра I. От нашего лагеря до Ботика около пяти километров. Шагаем по рельсам узкоколейки. Мы уже привыкли к такому передвижению. По одну сторону от нас светлая вода и чайки, по другую — ровные волны хлебов и жаворонки над ними.

с. 88 Георгий Иванович идёт с нами, не торопясь, вразвалку, сдвинув на затылок свою клетчатую кепку. Ночная гроза не произвела на него большого впечатления, хотя палатка А. Я. пострадала больше всех: она стоит ниже других, и ночью в ней было много воды.

Мы взяли с собой полотенца, чтобы искупаться у Ботика. У Гали одно полотенце на плечах, а другим она обмотала голову. Когда мы переходим железнодорожный мостик через какую-то тинистую речушку, Галя роняет полотенце с плеча, и оно летит под мост. Полотенце вышитое, мамино любимое, и мама особенно просила его побережь. Достать полотенце из-под моста невозможно: речка — сплошная тина, в неё не ступишь. Галя чуть не плачет.

— Подождите, — говорит Коля Белов, — дайте подумать. Есть! Вы держите меня за руки, только крепче, изо всех сил.

Он пролезает в отверстие между шпалами, вытягивается во всю длину; голова его под мостом, и только руками он крепко уцепился за самых сильных ребят — Славу Арканова и Женю Савченко. Под воинственные крики мальчиков Коля достаёт полотенце ногами и поднимается наверх. Ребята аплодируют.

Вот таков Квадратный всегда: ловкий, спокойный, всех выручает из беды. Мы выносим ему благодарность, а Галя бежит вперёд, чтобы застирать полотенце у Ботика.

Вода совсем тёплая. По обыкновению, купаемся долго, с визгом и смехом. Оленька похожа на куклу в своём голубом купальном костюмчике. Она хохочет и бежит по воде, разбрызгивая сияющие фонтаны, а за ней стаей — все девочки.

Усадьба Ботик стоит на Гремячей горе. Сегодня гора как вымытая после дождя; трава блестит и кажется особенно мягкой.

На гору взбегаем одним духом, оборачиваемся, чтобы взглянуть отсюда, сверху, на озеро, и долго не можем оторваться. Свет воды и неба, белые колокольни Переславля, чайки, деревни на том берегу — всё это так ярко и ослепительно сегодня, что нужно сделать усилие, чтобы перестать смотреть.

— Вот и Пётр Великий как заехал сюда, как посмотрел на озеро, так и обер, — говорит Слава.

— Русский пейзаж, — бормочет Георгий Иванович, — середина земли русской...

с. 89 Мы входим за ограду. Парк в Ботике густой и одичавший. Здесь не жарко, темновато. Липы и берёзы вымахали вверх, сколько могли. Стоят деревья тесно, вот и тянутся к солнцу. В белом здании — его зовут «дворцом» — сейчас дом отдыха: отдыхают рабочие Переславля. Перед небольшим домиком, где хранится ботик, стоит памятник Петру Великому.

— Потом осмотрим его, — говорит А. Я. — Сначала пойдём в музей. У кого ключи? — спрашивает он ребятишек, играющих у памятника.

— Вон, у дяденьки!

Подходит музейный работник со связкой огромных ключей.

Ну и дяденька!

Ростом он маленький, почти с Юльку, а борода чёрная, густая и длинная, до пояса. Ребята разглядывают его так откровенно, что мне делается неловко.

«Дяденька» открывает тугой замок, тяжёлые двери раскрываются. Дубовый бот «Фортуна» стоит на возвышении посредине большой мрачной комнаты. Бот, прочный, тёмный и внушительный, проломан в нескольких местах.

с. 90 Только один бот и уцелел от знаменитой петровской «потешной флотилии». Пётр совсем молодым приехал на Плещеево озеро. До этого он пускал свои потешные суда по узкой и грязной Яузе, где было мелко, и корабли задевали за берега. В предисловии к «Уставу Морскому» Пётр писал:

«Стал я проведывать, где более воды, мне объявили Переславское озеро, яко наибольшее, куда я под образом обещания в Троицкий монастырь у матери выпросился, а потом уже стал её просить и явно, чтобы там двор и суды делать. И там несколько лет охоту свою исполнял».

Здесь, на Гремячей горе, был тогда целый городок. Пётр привёз в Переславль опытных немецких мастеров. На взгорье между Горицким монастырём и селом Веськовым образовался посёлок. Его стали называть «Немецким».

В усадьбе стоял дворец Петра. Очень скромный дворец, всего из пяти горенок. Была церковь, кузница, колодец, по преданию выкопанный самим Петром. У берега устроили пристань на сваях. Пётр был счастлив здесь. Он радостно, горячо работал. Вот как он писал матери из Переславля:

«Матушка Государыня!

Благослови сынишку твоего Петрушку, в работе пребывающего. Озеро вскрылось. Все суда, кроме большого корабля, в отделке. Только за канатами встанет, и о том милости прошу, чтоб те канаты по семисот сажен из Пушкарского приказа не мешкав прислали бы».

Когда все суда были готовы, Пётр устроил пышный праздник. Корабли под пушечные выстрелы спускались на воду. При выходе флотилии на озеро Пётр сам стрелял из пушки на своём фрегате.

Все эти интересные вещи нам рассказывает не работник музея, а наш Слава Арканов. Он был уже не раз в Ботике и в Горицком монастыре и собрал много материалов о пребывании Петра в Переславле. Слава говорит, словно урок отвечает. Музейщик помалкивает.

Мы осматриваем огромные котлы. В них когда-то варили смолу; они сделаны из небольших чугунных пластинок, склёпанных между собой. Здесь же корабельные канаты, блоки, петровские якоря, деревянные корабельные украшения и деревянный же ворот для подъёма якорей.

— А вот слюдяное окно из бывшего Петровского дворца, — говорит А. Я. — Вы раньше такие видели?

Мне до сих пор читать только приходилось про слюдяные окна, и я долго смотрю на отливающую нежной радугой слюду. Может быть, перед этим самым окном стоял Пётр и смотрел на озеро. Нет, через мутную слюду плохо видно. Он распахнул бы оконце, чтобы прямо глянуть на воду, чтобы между ним и озером ничего не стояло.

— А куда же девались остальные корабли? — спрашивает Галя у Александра Яковлевича.

— Погибли, — говорит А. Я. — Только вы не меня спрашивайте, а историка.

Слава не смущается.

— Сгорели все корабли, — говорит он. — Когда петровской флотилии тесно стало на Плещеевом озере, Пётр «положил своё намерение прямо видеть море». Так он сам писал. И действительно, уехал в Архангельск, на Белое море, и перевёл туда мастеров из Переславля. А свой переславский флот — кораблей-то ведь было около ста — он велел сохранить. Самый большой корабль Пётр хотел перевести из переславского озера на Волгу и писал об этом князю Ромодановскому из Голландии. Тогда стояла зима, и Пётр предлагал прорубить во льду озера дорогу, провести по ней корабль и поставить его против выхода Вёксы, а весной, когда вода поднимется, пустить корабль по Вёксе, через Сомино озеро и по Нерли на Волгу. Только ничего из этого не вышло. Стоя в реке Трубеж, корабль уже почти сгнил. Тогда все корабли подняли из воды и на берегу Трубежа устроили навесы. Там остатки первого русского флота и хранились. А в 1783 году был в Переславле большой пожар, сгорела и петровская флотилия. Уцелел только бот.

— А кто же построил эту усадьбу и перенёс ботик сюда?

— Это было уже при царе Николае первом. Владимирские дворяне, должно быть по указанию самого царя, приобрели село Вёськово, усадьбу на Гремячей горе, построили это здание для ботика и памятник Петру.

— Идёмте теперь посмотреть памятник!

— Подождите, дайте мне сначала снять ботик, — говорит Георгий Иванович.

Музейщик, до сих пор молчавший, вдруг оживляется.

— Нет, ботик снимать я не позволю, — говорит он, сильно напирая на звук «о».

— Почему? — удивляется А. Я. — Вот наши бумаги. Я руководитель экскурсии школьников, а это наш фотограф.

— Это не важно, а снимать не будете.

— Да ведь Ботик ваш подчинён музею, а в музее я был, говорил с директором. Он разрешил нам делать съёмки и у себя и здесь, у вас.

— Мне директор не указ. Он пусть разрешает, а я не разрешу.

— Что же это, секрет? — не утерпев, спрашивает Олег.

— Возможно, что и так.

Музейщик разговаривает так важно, что я начинаю злиться.

— Это никакой не секрет, а, если хотите знать, старая, дырявая лодка, — говорю я не очень ласково.

— Не важно, а снимать вы у меня не будете.

— А это всё не ваше!

— Как это не моё?

— Так вот — не ваше! Это общий ботик, он для всех, и вы не имеете права так...

— Тоня, Тоня! — останавливает меня А. Я.

— Зачем горячиться? — говорит Георгий Иванович. — Нельзя — и не надо. — И прибавляет тихо: — Вы лучше уведите его наверх да задержите там.

Сразу становится весело. Я переглядываюсь с Веней и вежливо прошу музейщика показать нам верхнюю комнату.

— Сейчас, — неохотно говорит он. — А вы, ребята, опять сюда забрались? Нечего вам здесь делать. Идите, идите!

Он разгоняет маленьких ребятшек. Они прибежали сюда из парка и затеяли возню вокруг ботика.

Ребята неохотно, оглядываясь на него, отступают за дверь. Только самый маленький карапуз, лет пяти, лезет под корму ботика, и сердитый музейщик не замечает его.

Мы идём наверх по новой лесенке. Она пахнет нагретой сосной. Железная крыша накалилась, и наверху тяжело дышать. Там небольшая комнатка, в ней бронзовый бюст Петра, на стенах акварельные рисунки: «Церемония открытия памятника императору Петру Великому», «Вид монумента» и другие. На акварелях нежно выписаны деревья, марширующие войска, а по берегу озера — сплошные купола. Сколько же церквей было когда-то в Переславле! И сейчас их много, хоть половина снесена, а прежде, наверное, весь город издали был похож на большой монастырь.

с. 94   Веня стоит в дверях, чтобы успеть предупредить Георгия Ивановича, когда музейщик двинется вниз.

Я спрашиваю, правда ли, что прежде озеро так близко подходило к усадьбе, как нарисовано на картинках, но мрачный наш спутник не знает, так ли это.

— Ну, тут больше нечего смотреть. Идите вниз, — говорит он.

Веня громко кашляет, мы спускаемся вниз. Георгий Иванович внимательно разглядывает корабельные канаты.

— Ну что?

— Всё в порядке. Нащёлкал, сколько хотел.

Мы выходим в парк и осматриваем монумент Петру. Толя и Олег зарисовывают его.

На памятнике слова Петра из «Указа воеводам переславским»: «Надлежит вам беречи остатки кораблей, яхт и галеры, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрёгших сей указ».

Я списываю эту надпись в свою тетрадку.

— Товарищи, а вы всё-таки сделали своё дело? — гневно спрашивает музейщик, выходя из домика.

— Да, сделали мы своё чёрное дело, — отвечает Георгий Иванович.

— Я буду жаловаться! Я этого так не оставлю!

«Кто ему мог сказать?» — ломаю я голову и вдруг вижу босоногого карапуза с лукавой мордочкой. Ну, конечно, он. Как мы не сообразили! Выполз, наверное, из-под ботика и сказал: «А дядя-то снимал!»

— Мы сами сейчас идём в музей и там поговорим с директором. Уверю вас, что он снимать нам разрешил, — говорит А. Я.

— Я раньше вас в музей буду и всё директору сообщу.

Несколько смущённые мы выходим из Ботика.

До Горицкого монастыря, где помещается музей, путь не близкий. Идём через село Вельково и очень спешим. Ребятам хочется прийти туда раньше, чем явится сердитый музейщик. Всё время оборачиваемся, не догоняет ли он нас, но его не видно.

По дороге А. Я. показывает нам резьбу на избах. Каждый дом украшен наверху, под крышей, или окошечком со ставеньками, или чем-то вроде балкончика с точёными перильцами, или просто резными украшениями. Тут и цветы, и ягоды, и птицы, а часто инициалы владельца и дата постройки. Все эти коньки, петушки, кружева — разные, не похожи друг на друга. Они напоминают вышивки на деревенских полотенцах: такой же простой и тонкий узор.

Белая ограда Горицкого монастыря — настоящее крепостное сооружение, с дозорными окнами, бойницами, отверстиями, в которые лили кипящую смолу на врагов. Ворота монастыря изукрашены великолепной резьбой. Не отсюда ли окрестные крестьяне заимствовали узоры для украшений своих домов?

За монастырской стеной нас встречает пронизанный солнцем, весь светящийся и трепещущий фруктовый сад. Стволы яблонь, вымазанные белым, сверкают в чистой зелени. А. Я. говорит, что в саду семьсот корней и много ценных мичуринских пород. Музей насадил эти деревья в 1926 году.

В прохладном кабинете директора, уставленном книжными шкапами, мы видим... сердитого музейщика из Ботика.

Каким образом он перенёсся сюда? По воздуху, что ли? Мы шли коротким путём, и он нас не обгонял.

— Черномор! — говорит поражённый Юлька почти громко. — На бороде летает.

Только тут мне становится понятным, на кого музейщик похож. Черномор, конечно! Я с трудом удерживаюсь от смеха. Отворачиваюсь, чтобы не смотреть на Черномора, и встречаюсь глазами с Толькой Бессоновым. А у него тоже губы сжаты и в глазах сумасшедшие смешинки. Куда деваться? Отхожу к окну.

— Вот они, вот, — торжественно говорит Черномор, — эта самая компания!

— Совершенно верно. Школьная экспедиция. Товарищ руководитель был у меня, и я ему съёмку в Ботике разрешил, — спокойно говорит пожилой рыжеусый директор.

Черномору сказать нечего.

— А музей уже закрыт. Пожалуйста в другой раз. Сегодня поздно, — обращается директор к А. Я.

— Да мы, собственно, пришли только выяснить недоразумение вот... с товарищем. Соберёмся к вам на днях.

Черномор ещё ворчит что-то о самоуправстве, но мы поскорее выбираемся из музея — хохот нас одолевает.

— Да-а, — озадаченно говорит А. Я. по дороге домой, — прыток! Ну, очевидно, есть ещё более короткий путь. с. 96

— А вдруг придём в лагерь, а он уже там? — говорит Толя.

Конечно, «Черномор» появился в лагере в сумерках и изрядно напугал девочек. Впрочем, быстро выяснилось, что это Юлька с бородой из мочалки и в толстовке Александра Яковлевича.

Глава XVII. По деревням

— Денёк-то какой серенький! — сказала утром мама, а Юлька поправил:

— Не серенький, а кисленький вовсе.

Ребята смеялись и дразнили Юльку:

— А может быть, солёненький или горький?

А мне Юлькино выражение очень понравилось. В воздухе утром был какой-то пронзительный холодок, и с дымчатых веток можжевельника падала тяжёлая роса. Казалось, что она непременно должна быть кислой на вкус. По озеру шли медленные барашки.

Накануне А. Я. сказал, что сегодня экскурсии не будет и что он даст нам отдельные задания. А делать, по правде сказать, ничего не хотелось, и мы надеялись, что А. Я. забудет своё намерение. Но он собрал нас после завтрака.

Мы кутались в одеяла, платки, жались друг к другу, всем было как-то сонно и вяло в это утро. Александр Яковлевич долго смотрел на нас, а потом засмеялся. Девочки обиделись:

— Что вы над нами смеётесь? Холодно ведь.

— Вы знаете, что Фритьоф Нансен в своих путешествиях каждое утро обтирался снегом? Как вам не стыдно! Физкультурники, советские школьники! На кого вы похожи?

— Это верно, что на мокрых куриц, — сказал Коля Белов и сбросил с себя одеяло.

Зашевелился и зелёный с чёрными пятнами холмик. Из-под Юлькиного залитого чернилами одеяла вылезли сразу трое: Юлька, Валя и Игорь Шустов. Понемногу и остальные освободились от своих одежек.

— Ну вот, распрямите плечи, дышите полной грудью, сразу будет теплее, — посоветовал А. Я.

с. 97 И верно: если перестать ёжиться, сразу привыкаешь к воздуху, и становится не так холодно.

А. Я. предложил нам пойти в соседние деревни, чтобы посмотреть, как живут колхозники, побывать у них в домах.

Наша бригада: Жуков, Шустов, Надя Маркова и я, решила отправиться в поход во второй половине дня.

Воздух постепенно согревался. Серые скомканные облака так быстро убежали, точно кто-то подметал небо и разгонял их метлой с середины. К полудню совсем прояснилось, и трава подсохла.

После мёртвого часа мы вышли из лагеря, и скоро нас догнали Белов и Бессонов. Квадратный хотел зарисовать церковь, а почему пошёл Толя, я не знала и решила, что только из желания досадить мне.

Мы шли сначала перелеском, мимо густого, уже просохшего можжевельника, потом поляной, изрытой песчаными оврагами. По бокам дороги лиловели крепкие шапки вереска. Белая церковь села Соломидина выростала справа и словно поворачивалась к нам.

Олег, Игорь и Надя спорили о чём-то и всё время отставали. Я решила не обращать никакого внимания на Толю и разговаривать только с Квадратным, но Николай всё время отвлекался: то рвал какую-то траву, то начинал выкапывать куст вереска для наших ботаников. Это совсем не его дело, но он говорит, что обещал Гале, куда бы ни шёл, «соблюдать интересы ботаников». Под сухой сосной он нашёл множество живучек, вытащил ножик и начал выкапывать их, а я не стала ждать и пошла дальше. Анатолий сейчас же догнал меня.

Мне очень хотелось скосить глаза и посмотреть, не смеётся ли он, но я удержалась и решила про себя, что буду смотреть вверх. И я действительно посмотрела на небо и увидела, какое оно прекрасное, нежное, не голубое, а только голубоватое, а на нём неподвижно висят и не тают сияющие тяжёлые облака, словно спутанные клубки розовой пряжи.

У меня чуть было не вырвалось: «Посмотри, какое небо!»

Но в это время Толя сам сказал:

— Видишь, какие облака? — И сейчас же прибавил: — Мы ведь не в ссоре с тобой, Тоня. Ты не сердись?

Я на него посмотрела и увидела, что он вовсе не смеётся.

с. 98 — Мне самой не очень-то весело сердиться, а всё-таки я сержусь.

— Не надо, пожалуйста, — сказал он. — Я, может быть, и зря рассказал ребятам про корову, но ты же сама сказала, что эту ночь надо запомнить, а то, что записано, ведь запомнить легче. А потом, всё интересное, что с нами случается, может быть интересно и для всех ребят. Я и подумал — пусть посмеются.

— Очень хорошо! Если ты когда-нибудь позорно струсил, ты сейчас же пойдёшь и всем ребятам расскажешь, чтоб посмеялись.

Анатолий подумал и сказал:

— Может быть, я этого и не сделаю и как отдельный человек буду прав, а как член коллектива — нет.

Я могла бы, конечно, ещё много наговорить Тольке и доказать ему, что он неправ по-всякому, но мне вдруг не захотелось, и я просто сказала:

— Ну, ладно. Я кончила сердиться.

Тут он засмеялся и чуть было не испортил всё дело.

— Не успели помириться, как ты опять зубоскалишь?

— Да я не над тобой! Я просто рад.

И он улыбнулся быстро и радостно. Такая улыбка у него всегда переходит в маленький смешок, и одна бровь при этом приподнимается.

Я тоже засмеялась и почувствовала, что сама рада. Ссора, даже самая мелкая, всё-таки как-то незаметно портит настроение.

Квадратный и другие ребята догнали нас. Мы подошли к перекрёстку. Олег стал тянуть нас в село Веслево, но я от намеченного плана отказываться не люблю. Решили идти в Соломидино, и нечего раздумывать. Так мы стояли и спорили довольно долго, пока Толя не сказал:

— Вы — как Иванушка в сказке. Помните? Прямо поедешь — будешь голоден и холоден, вправо поедешь — коня потеряешь, влево — сам погибнешь. Нам ведь никакие страхи не угрожают, нечего так долго выбирать.

Решили разделиться. Игорь и Надя идут с Жучком в Веслево, а я, Николай и Толька — в Соломидино.

— Как же мы будем сразу спрашивать колхозников насчёт жизни? — беспокоится Надя. — Давайте зайдём в какой-нибудь дом и попросим что-нибудь продать.

— Например, кошку, — серьёзно говорит Олег.

Надя сердится.

— При чём тут кошка? Ты вечно с глупостями!

Мы пожелали друг другу «ни пуха, ни пера», как охотники, и разошлись.

В начале деревни Соломидино стоит белая церковь с высокой колокольней. Около ограды на короткой «гусиной» травке кувыркаются ребятишки; вокруг колокольни, резко вскрикивая, летают ласточки.

Против церкви в одноэтажном домике помещается школа. Мы решили зайти туда.

В школе шёл ремонт. Парты, закапанные извёсткой, были нагромождены на террасе; тут же стоял скелет, школьные доски, глобус, лежали скатанные карты. Все эти знакомые предметы и особенный школьный запах — запах мела и чернил — напомнили мне мою дорогую Кратовскую школу.

К нам вышла молодая учительница. Мы узнали, что школа принадлежит соломинскому колхозу «Новый путь» и что в ней учатся шестьдесят ребят. Учительница показала нам стенгазету и рисунки ребят, жаловалась на то, что при школе очень маленькая библиотека.

Мне эта учительница не очень понравилась. Она говорила всё время так, словно читала по книге: «почти стопроцентная успеваемость учеников», «наша газета, как видите, бичует лентяев и дезорганизаторов». Потом она заговорила о том, что в деревне есть ещё много людей, «одурманенных бывшими служителями культа», и что в деревенской церкви иногда и сейчас бывает служба. Квадратный сердито сказал:

— А ведь в этом вы виноваты!

— Конечно, — поддержал Анатолий. — Здесь было так много церквей и монастырей. Надо горячо вести антирелигиозную работу, чтобы покончить с этим влиянием.

Учительница на это ничего не сказала, а начала рассказывать про часовню «крещенской богоматери», что стояла когда-то около деревни. Там есть родничок, и вода в нём считалась целебной. Туда прежде приходило множество богомольцев — хромых, слепых и просто болезненных людей. Местный поп там служил молебны и собирал с верующих деньги. И теперь ещё есть в деревне женщины, которые пьют воду из этого родника и верят, что она очень хороша для здоровья.

— И ничего удивительного! — опять рассердился Коля. — Может быть, в ней сера, в воде-то, или железо, потому она и помогает. Надо анализ сделать, узнать, что это за вода, и разъяснить всем.

Я испугалась, как бы учительница не рассердилась на ребят за то, что они учат её, но она даже смутилась и забормотала, что антирелигиозная работа действительно ведётся плохо, что это дело всей сельской интеллигенции и что зимой она соберёт актив и займётся этим вопросом.

Я спросила, где нам найти какую-нибудь старушку, которая знала бы много песен и сказок.

— Да вон через улицу бабушка Анна живёт! Только малосознательная старуха, тоже бога ещё помнит. Что с ней беседовать!

Но мы всё-таки решили зайти к бабушке.

Вечер приходил как-то медленно, неохотно. Тени уже стали длинными, комары толклись над головой, а небо всё ещё горело красным, золотым и лиловым.

Бабушка сидела у окна. Она показалась нам очень красивой. Конечно, видно, что она старенькая, но у неё тонкий прямой нос, смелые серые глаза и спокойное, твёрдое лицо. Мы довольно робко поздоровались и сказали, что хотим с ней поговорить.

— А вы заходите, заходите в избу-то!

Мы с Толей вошли, а Николай сел на завалинку перед окном. Он хотел порисовать, пока не стемнело.

— Вы к столу пожалуйста. Самовар готов. Сейчас чай будем пить, — приглашала нас бабушка.

с. 99

с. 100

с. 101

Она наклонилась к тяжёлому кипящему самовару. Толька кинулся помочь ей, но бабушка легко подняла самовар и поставила его на стол. Она оказалась не только красивой, но очень статной и сильной.

Бабушка налила нам чаю, принесла кринку топлёного молока с коричневыми жирными пенками и сочни. Это кисловатые пшеничные лепёшки.

Изба у бабушки; сильно покосилась на сторону. Но косые половицы чисто вымыты, и от двери к столу ведёт пёстренькая домотканая дорожка. Под потолком проходит толстый квадратный брус, на нём висят бабушкины платки. Наверное, чёрный и белый в горошинку каждодневные, а для праздников красный в жёлтых огурцах. К этой же балке прикреплена зыбка на пружине, и в ней спит малыш.

Пахнет чуть-чуть самоварным угаром, кисловатым тестом и вымытым полом. На большой русской печи, где зимой тепло спать, сидит кот. В избе уже темновато, а на печке совсем черно, как будто затянута бархатом, и кот, весь белый, без отметинки, сидит неподвижно, словно вырезан из бумаги.

Мы пьём чай. Бабушка расспрашивает нас, кто мы и откуда, как учимся, зачем приехали. Говорит она на «о». Здесь так говорят все.

Малыш хнычет в люльке. Бабушка не спеша подходит к нему, качает люльку и вдруг начинает петь тонко и тихо:

А баю, баю, баю,
Поехали за рыбою.
Все за рыбою пошли,
Все корзины понесли.
А мы с Валею с кошелём
Много рыбы наберём.
Продадим мы рыбку,
Купим Вале зыбку.
Будет Валюшка качаться
Да поваливаться...

— Это внук? — спрашиваю я.

— Внучка, да не рódная, — отвечает бабушка. — У меня все ребятишки — внучки да внúчки. Это соседская, Валюшка. Мать в Переславль ушла да на меня её и кинула. У меня и зыбка-то для того висит, что всегда какой-нибудь внучонок гостит.

с. 102

— Бабушка, корову пригнали! — кричит с улицы Квадратный.

— А, сейчас, сейчас! Вы посидите маленько.

Пятнистая корова фыркает и пыхтит у крыльца, пять чёрных тонконогих овечек жмутся друг к дружке. Пригнали стадо. Печальное, дрожащее меканье овец и важное мычанье коров наполнило деревню.

Квадратный тоже приходит в избу, его заели комары. Мы выгоняем комаров из избы и закрываем окна.

Бабушка возвращается, когда на улице совсем темно. Девчата на краю деревни начинают пронзительно выкрикивать частушки под резкие переборы гармоники.

с. 103

— Не очень складно поют-то, — замечает Николай.

— Поют! — сердится бабушка. — Это разве песни? Ты, Тонюшка, поди, старых песен никогда не слыхала?

— Да нет, мало слыхала, бабушка.

— Прежде-то я круговая была. В кругу ходила. В хороводе, значит. Платье бордовое надену в три оборки да ленты разноцветные в косу, а коса ниже пояса. Как запою бывало, так по всей деревне слышно. Люди говорят: «Анна поёт», все дела бросают и слушать бегут.

— А как раньше хороводы водили?

— Да как, обыкновенно!

Бабушка взяла в руки белый платок, вышла на середину избы и запела. Песня была какая-то замечательная, про дурака, который не умеет завязать кушака:

Назади узел завязывает,
Наперёд концы заправливает...

Потом говорилось, как дурака отдали «во солдаты» и как он прощался со своей женой и наказывал ей:

— Ты живи, живи, солдатская жена,
Ты плати, плати долги мои сполна.

У меня всё горело внутри, так хотелось мне записать песню, но в избе было темно. Огня бабушка не зажигала. Летом она ложится рано, чтобы встать с солнышком.

Это было какое-то колдовство. Бабушка выпрямилась и казалась совсем стройной и молодой. Она расхаживала по избе, изображая то парня, то девушку, кланялась, кружилась и пела, пела без конца. Она то взмахивала белым платочком над головой, то медленно и важно обводила его вокруг руки, то наклонялась, и платочек касался пола.

Мне казалось, что я никогда, ни в каком театре или концерте не была так захвачена тем, что вижу. Сначала я немножко боялась, как бы ребята не засмеялись или не сказали что-нибудь такое, что спугнёт бабушку, но скоро я поняла, что и они так же заслушались и засмотрелись, как я. А бабушка, наверное, о нас вообще забыла. Кончив песню, она на минуту останавливалась, говорила: «А вот ещё хорошая, протяжная песня», и опять начиналось кружение, мелькание белого платочка, и медленно разворачивалась бесконечная песня о том, как «люди злые разлучили нас с тобой».

— Бабушка, что распелась? Давай Вальку-то!

Колдовство кончилось. Бабушка открыла окно, заговорила с соседкой, потом передала ей спящую девочку.

— Бабушка, ещё, ещё! Как хорошо ты поешь! Спой ещё! — уговаривали мы бабушку, когда она зажгла лампочку, села к столу, вытерла платком лоб и взглянула на нас посветлевшими, чуть затуманенными глазами.

— Нет, хватит пеня. И то люди скажут — распелась старая дура не к добру. Да ведь недолго я в жизни попела, только пока у отца жила. А потом уж как замуж вышла — не до пеня было, жилось скудно.

— А муж твой давно умер? Расскажи, бабушка.

— А не поздно, Тоня? — спрашивает Анатолий. — Наверно, в лагере спать ложатся.

— Ишь ты, какой дотошный, заботливый! — смеётся бабушка. — Посиди немного. Сними свою скуфейку-то.

— Что? — не понимает Толька.

— Скуфейку. Ну, головной убор свой.

Толя снимает свою тюбетейку и смущённо осматривает её.

— Какая же это скуфейка, бабушка? Это татарская шапочка, тюбетейка называется.

— Ну, милый, это мне и не выговорить. А скуфейку-то я знаю, прежде монахи носили.

— Да ты рассказывай, рассказывай, бабушка!

Бабушка рассказывает долго. Она говорит так вкусно, степенно и убедительно, что я опять забываю всё на свете и сержусь, когда Квадратный подталкивает меня локтем — пора, мол, идти.

Уходим поздно. Ночь светлая. По лугам стелется молочный туман. Звёзды дрожат и переливаются над нами.

— А ведь такая бабушка больше, пожалуй, понимает в жизни, сознательней к ней относится, чем многие культурные люди, например учительница, — говорит Толя.

— Ну, это ты зря... — начинает Николай.

— Нет, не зря! Ты погоди. Учительницу воспитывали по-новому. Она молодой советский работник, и она об этом новом говорит скучно, без огня, а бабушка ещё и бога помнит, а как она чувствует всё, что ей дала советская власть!

— Почему же это так получается?

— Вот не знаю. Надо спросить А. Я.

Я в спор мальчиков не вмешиваюсь. Я думаю только о том, как бы мне не забыть бабушкин замечательный рассказ, не перепутать и записать его точно, так, как она говорила.

С этой мыслью я прощаюсь с мальчиками и ухожу в свою палатку. Девочки ещё не спят. Оленька только что сказала, что песня комаров похожа на «Музыкальный момент» Шуберта, и Наташа с Галей стараются прислушаться, чтобы уловить это сходство. На меня сразу начинают шикать:

— Ну, где ты ходишь? Не можешь потише? Спугнула наш оркестр!

с. 104

с. 105

Я ложусь и делаю вид, что сразу засыпаю. Девочки тоже откладывают до завтра решение вопроса, на что похожа комариная музыка.

Глава XVIII. Рассказ бабушки Анны

Ветерок забрался в палатку, отогнул краешек одеяла и тихонько пробежал по плечу. Хотелось натянуть одеяло, спрятаться в него с головой и опять утонуть в блаженном сонном тепле. Но я знала, что если засну сейчас, то не проснусь уже до общего подъёма. Поэтому я откинула одеяло и начала одеваться, хотя зевала до слёз, а руки и ноги, тяжёлые от сна, не хотели слушаться. Осторожно, чтобы не разбудить девочек, я взяла тетрадь и карандаш и выползла из палатки.

Должно быть, озеро, небо и птицы знали, что наступающий день будет чудесным, потому что в природе было великое торжество. Птицы просто безумствовали, озеро ослепительно сияло, и на небе творилось такое великолепие, что больно было смотреть.

Я устроилась на пенёчке за кустами и постаралась ясно-ясно представить себе бабушку, её голос, лицо и спокойные, твёрдые глаза. Я помнила каждое слово её рассказа и начала писать не задумываясь, не вспоминая, как выученное наизусть.

Я слышала, как звонил гонг, как мама звала дежурных, а Александр Яковлевич распекал Юльку, как привезли хлеб и ребята выгружали его, но решила не вставать с места, пока не напишу всё.

Когда я поставила последнюю точку и подняла голову, ребята уже бежали с купанья. Толя и Николай мчались за Юркой Васильковым и размахивали полотенцами. Как видно, Юрке не дали ни вытереться, ни обсохнуть после купанья, потому что был он весь блестящий от воды и мокрые волосы прилипли ко лбу.

с. 106 Я окликнула Толю. Ребята не поняли сначала, кто их зовёт, и долго озирались по сторонам. Потом Квадратный заметил меня:

— Ты чего тут притаилась? Идём чай пить.

— Подождите. Я записала всё, что нам вчера рассказывала бабушка. Послушайте меня. Может быть, я что-нибудь пропустила.

Мальчики слушают, присев на корточки. Здесь, в дрожащей тени кустов, в сверкающей мокрой траве, они похожи на каких-то коричневых зверят с любопытными глазами. Так и хочется нарвать травки и покормить их. Наверное, зверята не злые и будут есть из рук.

— Всё в аккурате, совершенно точно, — говорит Квадратный.

— Как ты запомнила, Тоня? — удивляется Толя. — По-моему, ничего не пропустила. Память у тебя замечательная, зато и лень замечательная.

За эту дерзость я стряхиваю на Тольку всю росу с орехового куста, и мы бежим в лагерь.

Вечером, когда А. Я. спрашивает на проверке дневников, что дала нам вчерашняя затянущаяся экскурсия в Соломидино, я читаю, волнуясь, рассказ бабушки Анны.

* * *

«Муж мой давно помер, он старше меня был. Я за него за вдового пошла. Двух пасынков в люди вывела да трёх падчериц.

Он на кожевенном заводе работал, а там известно раньше какая была срамота: и кожи везде валяются, и нога мокрая, и зараженье бывает. Ну и заболел. Боль у него в костях была. Перед смертью всё кричал: „Гладь мне ноги, ломота несусветная!“ Ну, поглажу — и легче ему.

А ещё не старый был, шестьдесят пять лет только. Борода чёрная, из себя красный, носочек маленький. Складный был мужик. И жили мы с ним согласно.

Как помер — время было тяжёлое, гражданская война, — пасынки да старший сын на войну ушли. Там моего Ваню и убили.

Лёня, средний сын, в городе учился. Митя, маленький, при мне был, а Фросю, дочку, я в люди отдала, в Переславль. Жила она у чужих, конечно приходилось не сладко.

с. 108 Приехал покойного мужа брат в город на базар, увидела его Фрося да при всём базаре в ноги ему пала. И плачет и вопит:

— Дяденька, возьми меня к себе за что хочешь, хоть за хлеб, возьми от чужих людей!

Кричит она, плачет, никак он её не подымет, народ стал скопляться. Ну, он как-то отвёл её в сторонку:

— Ладно, Фрося, не плачь. Я с женой поговорю и тебе дам знать, как она определит.

А покойница жена его, Поля, была горячая, но такая верная женщина. Она Фросю пожалела. Приезжает Миколай ко мне и говорит:

— Беру я Фроську.

Он взял её за цену: положил семьдесят тысяч в год. Тогда, знаешь, тысячи-то в ходу были. Проходит год, даёт он мне семьдесят пять тысяч. Я говорю:

— Братец Миколай, за что же ты её даришь?

А он отвечает:

— За то дарю, что ежели она тёткину работу делает, а я её куда пошлю, она всё бросит, скажет: «Сейчас, дяденька!» — и бежит, словно и с радостью. А если моё дело исполняет и тётке что-нибудь занадобится, она тоже: «Сейчас, тётенька!» — с полной готовностью. Она для нас со всем трепетом старается. И такая допытливая да разумная.

Ну, поблагодарила я его и купила на те тысячи товару на полуботинки Лёне и Мите.

Пришла осень. Просит меня Миколай:

— Сестрица Анна, отдай мне Фроську-то совсем. Она вместо дочки нам будет.

Я заплакала. Я грустливая была, да и жизнь у меня сиротская. Говорю:

— Братец Миколай, ведь Фросе шестнадцать лет. Как в людях ведётся, так и нас не минется. Может, замуж выйдет Фрося.

— Ну что же, — говорит, — если найдётся человек подходящий, и замуж выдадим. Ты ей дашь, что соберёшь, а чего не хватит, я добавлю.

Я и согласилась — да не пожалела: как своя была у них Фрося, даже учили немножко.

А через два года братец Миколай помер. У него катар желудка был, он всё кашлял. А тут рубили они лес, и сосна огромная пала поперёк саней. Он сосну-то поднял, да тут же около саней лёг. Привезли его мужики домой, мы и видим — больше не встанет.

Я в ту пору у них гостила, Фросю пришла проведать. Вот к вечеру стою около его и плачу, а он лежит и всё: «Ох, ох, ох, ох!» Потом спрашивает:

— Ты что, сестрица Анна?

Я говорю:

— Братец, распорядись насчёт Фроси.

Он зовёт:

— Фросюха, подойди сюда... И ты, Поля, — жене говорит.

Жена, конечно, завопила.

— Да ты не плачь, я ещё не умираю! Я только хочу говорить с тобой тёплыми устами, пока я в памяти. Поля, ты Фросюху храни, как дочь. Будет замуж выходить — справь ей всё, как надо. А ты, Фрося, тётю Полю слушайся. Тебе некуда от неё шириться. Как при мне жили, так и живите.

И больше он ничего не сказал, опять заохал да к утру и помер.

Схоронили мы Миколая. А Поля — вот какая была верная женщина! — всё исполнила, как он сказал.

Замуж мы Фросю выдали хорошо. Приходят ко мне бабы — женщины — и начинают хвалить: какой у них парень есть деловой да толковый, и закройщик и заготовщик. А Фрося давно мне про него сказывала.

Так и выдали. Я хоть бедная была, а укладку полную собрала для дочери, и Поля всё, что нужно, ей справила: шубу с мехом, два одеяла, полотенца, платья.

Муж Фросе попался хороший, тихий. Были, конечно, девки и покрасивше Фроси, да он, видно, знал, что краса до венца — разум до конца. И сейчас они хорошо живут. Он на сапожника выучился, в артели работает. Пятеро ребятшек у них. Младший, Витька, в третью группу перешёл, всё «хорошо» да «отлично». Живут они в Щелкихе, деревня есть у нас такая.

Теперь ведь всех учат. Это советской власти спасибо и Надежде Константиновне Крупской. Ученье дали, и пособие родящим, и по инвалидности тоже. Вот я восемьдесят рублей получаю. Мне заявление Иван Иванович написал. Миколай Егорович, председатель, заверил, и пошла моя бумажка, и вышло разрешение мне на пособие. Вот как советская власть о сиротах заботится!

А Надежда Константиновна Крупская заботливая была. Глухих и немых она тоже учить вздумала. Теперь у них и школы есть и общежития. Вот когда она умирала, все пришли к ней, и глухие и немые, и говорят: мы через вас людьми стали, говорить научились.

с. 109

с. 110

Скажите вашу любимую песню, мы вам споём. А она отвечает: „Деточки вы мои, я люблю Интернационал“. Они ей спели, она и отошла с миром.

Теперь мой сын Лёня в Красной армии, в войсках НКВД. Я ему послала было слезопечальное письмо, а он отвечает:

„Мама, за меня не беспокойся, мне очень хорошо“.

Младший, Митя, у шофёров работает смазчиком. Знаете, наверно, у нас тут московская организация лес возит. Зимой и Митю учиться пошлют.

Все дети определились. Теперь и я живу, не ропщу. Шестьдесят семь лет, а в колхозе за хорошую работницу считают. Трудней-то у меня побольше, чем у другой молоденькой!»

* * *

Ребятам рассказ нравится. Юлька заявляет, что бабушка Анна «самостоятельная старушка», а девочки жалеют, что не пошли со мной и не слышали бабушкиного пения. А. Я. хвалит меня за точную запись.

Однако мой рассказ оказывается не самым интересным. Рита Мусатова, Юра и Валя Веселов были в совхозе, видели огромный скотный двор, страшных племенных быков, молочную ферму, детские ясли — словом, совсем новую, замечательно организованную жизнь. Обо всём этом Валя рассказывает очень обстоятельно, но, забыв что-нибудь, оглядывается на сестру.

— Муська, как эту лошадь зовут? Ну, самую красивую?

— Да ведь Муза-то с тобой не ходила, что же ты её спрашиваешь? — кричат ребята.

— Я вовсе не «Муська» хотел сказать, а «Мусатова». Это я Риту спрашиваю.

— Ладно, ладно, отговаривайся!

Игорь, Олег и Надя рассказывают о селе Веслеве. Все жители Веслева — колхозники. Когда-то давно эта деревня принадлежала Горицкому монастырю, а потом ею владели помещики Бунины. Однажды один из господ Буниных проиграл всю деревню в карты щелкихинскому барину.

— Когда крестьяне об этом узнали, то в деревне стон стоял — так нам объяснили, — говорит Надя.

с. 111 — А почему? — спрашивает Оленька. — Разве не всё равно, у какого барина жить? Ведь, наверно, одинаково плохо было.

— Нет, — вмешивается Олег. — Семён Иванович, колхозник этот, от отца слышал, что Бунин был барин спокойный, особенно крестьян не притеснял, а щелкихинский-то как раз горячий, всё хотел, чтобы у него лучше, чем у других, было. А потом просто обидно людям, что ими, как вещами, распоряжаются!

— Ну и что же? Пришлось крестьянам служить щелкихинскому барину?

— Нет, не пришлось. Как-то поладили между собой помещики, а может быть, Бунин и отыгрался. Веслево осталось за ним.

История о проигрыше в карты живых людей так поразила ребят, что они долго говорят об этом. Потом Толя вспоминает свой спор с Квадратным относительно бабушки и учительницы и спрашивает А. Я.:

— Почему это так? Учительница молодая и кончила, наверное, советскую школу. Но она равнодушная, об интересных вещах говорит без волнения. А бабушка такая живая, энергичная и, видно, по-настоящему ценит всё что дала ей советская власть.

— Она поэт в душе, бабушка, — говорит Николай. — Какую легенду сочинила про смерть Надежды Константиновны!

— По первому впечатлению судить о людях нельзя, — отвечает А. Я. — Может быть, в этот день учительница просто устала или была нездорова. Но давайте предположим, что она действительно человек равнодушный. Меня радует, что это вас так задело, как будто учительница каждого из вас обидела лично. Холодных, безучастных людей много, и это очень скверный сорт людей. Если человек делает зло сознательно, мы с ним боремся. С равнодушными бороться труднее. Они нарочно зла не делают, а просто им дороже всего на свете собственное спокойствие. Они неспособны сильно чувствовать: ни любить всем сердцем, ни ненавидеть не умеют. Если человек не любит по-настоящему своей работы, не болеет за неё, он может допустить в ней всевозможные ошибки, испортить и погубить её. Если не любит людей, относится к ним без внимания, может зря, ни за что, обидеть человека, причинить ему боль и вред. Если человек неспособен ненавидеть, он не сумеет бороться с врагом. Я хотел бы, чтобы вы жили настоящей, горячей жизнью, чтобы преданность

с. 112

родине, любовь к своему делу, к товарищам, к семье не была для вас пустыми словами, чтобы чувству равнодушия не было места в ваших сердцах.

А. Я. говорил очень взволнованно, не по-обычному. Когда он отпустил нас и ребята стали расходиться, Юлька крикнул «на весь мир»:

— Долой равнодушие!

— Да, да, — сказала я, торопясь и сбиваясь, — будем работать, дружить, любить во всю силу, по-настоящему!

И ребята закричали:

— Правильно!

Глава XIX. Музей

На белые стены Горицкого монастыря можно взобраться по внутренней узкой лестнице. Мы стоим наверху стены. Отсюда хорошо виден Переславль с его церквами и садами, с козами и свиньями на улицах. Тёплый ветер трогает воду в озере, порывисто гладит щеки и колеблет яблони в саду.

Мы пришли в музей одни. А. Я., отправляя нас, сказал, что тот, кто даст самый лучший и полный отчёт о музее, будет назначен начальником нашей экскурсии вокруг озера.

Экскурсия начинается с обхода монастыря по стенам.

— Нас отправили одних, — говорит Белов. — Смотрите же не подкачайте. Юлька, это к тебе относится. Слышишь?

— А что я — главный заводила, что ли? — обижается Юлька. — Да и потом, где же это «отправили одних»? Вон Георгий Иванович.

На стену взбирается немножко запыхавшийся, но, как всегда, безмятежный Георгий Иванович.

— Решил тоже пойти посмотреть музей и снять кое-что, — говорит он. — Бежал-бежал за вами...

— Георгий Иванович, только вы как будто не руководитель, ладно? Нас одних А. Я. отправил, мы и будем ходить одни.

— Ладно, ладно, — соглашается Георгий Иванович. — Какой я руководитель, я фотограф! Вы сами по себе, а я сам по себе.

Мы бродим по музею долго, и Георгий Иванович действительно никак нами не руководит и только на обратном пути присоединяется к нам.

— Вы давно стали фотографом, Георгий Иванович? — спрашивает по дороге Олег.

— Давно. И очень неожиданно для самого себя. В гражданскую войну я был завхозом в одной красноармейской части. Плыли мы по Волге на старых баржах, а белые свирепо нас обстреливали. Ясно было — не проскочим. Решили мы устроить на баржах заграждения из мешков с песком. Большие мешки взяли, наполнили их песком, и... оказалось, что баржи очень старые, этой тяжести не выдерживают, палуба ломается. Что делать? Хотели уже потопить свои баржи, чтобы белым они не достались, а сами как-нибудь берегом спастись. Вот тут-то и пришла мне в голову идея: а что, если наполнить мешки вместо песка мукой? Попробовали — замечательно! Мука легче, её баржи выдерживают. Если пуля мешок пробивает, мука не такая сыпучая, как песок, не уходит так быстро; если подмокнет — образуется корочка из теста, а внутри опять-таки сухая мука. Словом, что долго рассказывать — пробилась мы. И баржи спасли, и сами целы остались, и муку привезли для голодающей Москвы. Наградили меня за эту выдумку фотоаппаратом. С тех пор и стал я фотографом.

— Мы ведь так и думали, Георгий Иванович, что в вас есть что-то геройское, — говорит серьёзно Юлька.

Вечером в лагере А. Я. спрашивает нас, что мы видели в музее.

— Я, Александр Яковлевич, узнал прежде всего, что стоянка наша ещё в 1924 году открыта историком Смирновым, — говорит Слава, — и так от этого расстроился, что уже всё остальное смотрел невнимательно.

— Ну, всё-таки что же ты видел?

— Да я всё черепки, ножи, посуду, бронзовые украшения смотрел. Вообще, результаты раскопок. Там много таких же обломков, как у нас, а много и замечательных находок, куда лучше наших.

Слава начинает расписывать необыкновенные бусы из различных пород камня, найденные в одном из курганов, и деревянного истукана, служившего, очевидно, украшением лодки.

с. 116 — Хорошо, — говорит А. Я. — Ясно, что начальником похода ты не будешь. Как ты, Веня?

— Музей замечательный, — говорит Венедикт. — Само здание очень интересно. Монастырь на этом месте существует, наверно, с одиннадцатого или двенадцатого века. Теперешние стены возведены в семнадцатом и частью в восемнадцатом веке.

— Ну, а сам музей?

— Отдел природы края, конечно, самое интересное. Там чучела всех птиц, что живут на озере. Они совсем как настоящие. Даже лебедь есть, а они бывают в Переславском районе только во время перелётов. И орлан белохвост — этот уж совсем редко встречается. Рыбы тоже очень полно представлены. Между прочим, у переславской ряпушки, оказывается, сорок семь позвонков, а у ряпушки из Сегозера и Выгозера их пятьдесят четыре. Вот, я их зарисовал.

О рыбах Веня разговаривает долго, но обо всём прочем имеет представление довольно слабое.

— Ну, что нам скажет Тоня?

Я начинаю очень подробно описывать всё, что видела в музее, и оказывается, что хорошо запомнился мне только отдел быта помещиков и крестьян. Я люблю хрупкие старые вещи. Мне нравятся блёклые овальные портреты, где изображены девушки с прозрачными плечиками и статные усачи в мундирах, зеркала, канделябры, фарфор, прекрасное оружие. Чудесная мебель стояла в помещичьих усадьбах: карельская берёза, красное дерево. Удивительный там есть стол работы крепостных мастеров: он весь из одних сучков, подогнанных один к другому так точно, что они кажутся нарисованными на лакированной поверхности стола. А в следующем зале стоит настоящая крестьянская курная изба с крохотным слепым оконцем. От неё до сих пор пахнет дымом. Ведь в ней не было трубы, топили тогда, как говорилось, «по-чёрному».

Муза переписала в музее множество фенологических таблиц и теперь знает, когда начинается ледоход на Плещеевом озере, когда идёт первый весенний дождик, когда наступает зима.

Оленька увлеклась картинной галереей. Ей понравились картины Лансере, Коровина, Касаткина и особенно «Девочка с картонным домиком» Кардовской.

с. 117 — Понимаете, — говорит Оленька, — эта девочка больная. Она лежит в постели и играет с домиком. Девочка замечательно нарисована, у неё такое хорошее лицо. И не то чтобы очень красивая, а просто обыкновенная девочка и, наверно, очень похожа сама на себя.

Галя рассказывает о современной промышленности Переславля, о прошивках и кружевах, о нитках для рыбацких сетей, о фабрике киноплёнки.

Толя и Николай подробно изучили отдел «Рабочее движение Переславля». Они рассказывают о забастовках переславских рабочих, о макете тюремной камеры, где за решёткой видна заключённая женщина, а перед камерой стоит жандарм с толстой связкой ключей.

— Ну, а ты что запомнил? — спрашивает А. Я. Юлька.

— Кивер гусарский, — говорит Юлька. — Ух, замечательная шапка, с торчком! Очень примерить хотелось. А потом карета архимандрита. Ну и карета — целый дом! В ней и спать можно, и обедать, и в карты играть. Выдвигаются всякие полочки, подставочки. Ну, а самое, конечно, интересное, это чучела животных. Есть там два волка. Один зарезал овцу и только приготовился есть, как другой прибежал. Оскалили они пасти и рычат. А медведь стоит в лесу, поднял кверху нос и принюхивается, нет ли кого. А над ним поёт птичка.

с. 118

— А ты слышал, как волки рычат и птичка поёт?

— Необязательно слышать, — говорит Юлька, — надо иметь воображение.

А. Я. спрашивает других ребят. Обо всём музее никто рассказать не может. Каждый запомнил что-то особенно его интересующее.

— Что ж, я этого и ждал, — говорит А. Я. — Устали вы сильно?

Устали гораздо сильнее, чем после длинной экскурсии.

— В музеях всегда так, — говорит А. Я. — Слишком напряжено внимание, от этого устаёт весь организм. Запомнить сразу всё трудно, и память ваша сама сделала отбор — взяла то, что для каждого наиболее интересно. А в общем получится неплохой отчёт. Как по-вашему?

Мы ожидали, что А. Я. будет нас стыдить за неумение запомнить всё, и обрадовались такому обороту дела. А когда сообщили, что отчёт в самом деле получится неплохой, удивились.

- Конечно! Тоня даст быт помещиков и крестьян.
  - Веня — птиц и рыб!
  - Квадратный — революционное прошлое.
  - Получится очень полное и подробное описание.
  - Хорошо, а кого же избрать начальником похода вокруг озера?
- Мы не стали долго думать и все сразу закричали:
- Александра Яковлевича Стебелькова!

с. 119

Глава XX. Поход вокруг озера

К нашей последней двухдневной экскурсии мы начали готовиться с вечера.

— Александр Яковлевич, — кричит Юлька, — обязательно брать зубную щётку и пасту? Может быть, один день можно зубы и не почистить?

— Девочки! Ложки, миски, продукты — всё в одном месте? — беспокоится мама. — Не знаю уж, что вы там завтра настряпаете без меня.

— Не беспокойтесь, Анна Ивановна, — утешает её Олег. — Я буду за главного повара. Так всё приготовлю, что пальчики оближут.

— Ты, Олег? Ну, а как, скажи мне, пожалуйста, ты сварил бы макароны?

— И вы, Анна Ивановна, про макароны знаете? Всю жизнь, наверно, меня ими будут попрекать!

Года два назад, на какой-то экскурсии нашего географического кружка, Жуков взялся варить макароны. Он положил их в холодную воду, поставил на огонь, а потом никак не мог понять, почему вместо макарон получился клейстер.

Мы выступаем в поход рано. В лагере остаются мама, дежурные и Георгий Иванович. Утро не жаркое. Набегают облачка. По мнению Музы, будет дождь. Девочки взяли с собой запасные платья и даже пальто.

К одиннадцати часам мы входим в Переславль. В городе у всех оказывается множество дел. Девочки разбегаются по магазинам — одной нужна гребёнка, другой шнурки для ботинок, третьей карандаш. А. Я. не позволяет задерживаться, но когда Слава и Веня предлагают зайти в Спасо-Преображенский собор, он сразу соглашается. В соборе прохладно и тихо. Гулкий камень повторяет звук шагов и заставляет наши голоса отдаваться вверх. Этот белокаменный собор — усыпальница князей. Надписи на плитах говорят о давно живших и давно умерших.

с. 120

А. Я. рассказывает о том, что чудесная стенная живопись на стенах собора была уничтожена во время реставрации в конце XIX века, но и сейчас собор представляет собой великолепный памятник владими́ро-суздальской архитектуры.

После холода и мрака особенно горячим кажется нам солнце, особенно яркими трава и деревья.

Проходим базаром. Наде и Наташе очень хочется купить обливные глиняные миски в подарок мамам, но мы уговариваем их не делать этого: везти далеко — обязательно разобьются в пути.

Зато Квадратный с самым серьёзным видом приценивается к лаптям. Лапти новенькие и очень приятно пахнут свежим лыком. Коля покупает их и пробует надеть, но, оказывается, ходить в лаптях очень неудобно. Александр Яковлевич говорит, что носить лапти надо умеючи, нога должна быть плотно обмотана онучами. Квадратный, перекинув лапти через плечо, заявляет, что дома мать сделает ему онучи и он «освоит лапти обязательно».

Вот и последние дома города. Снова выходим к озеру. Налево — открытый берег, заросший пышной травой, справа — высокие холмы, покрытые низкорослым подлеском. Мы пробираемся через кустарники по вершинам холмов, скатываемся в овраги и опять поднимаемся на гребень следующего пригорка. Идём цепочкой, я — почти в хвосте, так что, спускаясь с горы, вижу, как на следующую вершину карабкается Юлька. Он, как всегда, впереди.

Я спускаюсь в сырую зелёную лощину. Ноги скользят по свежей траве, хватаюсь за ветки и царапаю руки. Вперемежку с орешником растёт шиповник и просовывает всюду свои колючие веточки. Над розовыми цветами жужжат полосатые шмели.

— Поют, — говорит Галя.

Мы прислушиваемся. Из кустов доносится песня и стелется по лощине. Странные низкие голоса ведут мелодию; порой в неё врываются звенящие пронзительные ноты: кажется, что ветер воет, деревья качаются и человек жалуется на свою судьбу.

И дождь будет,
И буран будет... —

с. 121 различаю я слова. Дальше поют как будто не по-русски.

— Что это?

— Пойдём посмотрим, — шепчет Толя.

Ребята осторожно раздвигают кусты. Как мы не поняли сразу? Это цыганский табор на поляне. Я его вижу впервые, но узнаю сразу: на картинке в пушкинских «Цыганах» он такой же.

Бегают увёртливые глазастые ребятишки. Пасутся лошади, развешано какое-то пёстрое тряпье. Женщины возятся у огня. Они ступают легко и плавно, точно скользят. А в шатре поют эту щемящую песню.

— Как поют! — восхищается Галя. — Пойти бы к ним!

— Так они и живут? — спрашивает Юра. — Всегда? И зимой? Разве сейчас такое бывает?

— Непорядок, — серьёзно говорит Квадратный. — Они должны построить себе дома и жить в колхозе.

— Спросить бы их!

— И спрошу.

Темнолицый, с серьгой в ухе цыган проходит совсем близко от нас.

— Дяденька, постой! — кричит Николай и бежит к нему.

Цыган кивает головой, усмешка мгновенно освещает его бронзовое лицо. Он что-то быстро-быстро толкует Николаю.

Квадратный возвращается к нам.

— Им отвели землю где-то под Ярославлем. Они там будут строиться. Он говорит, что это их последнее путешествие.

Мы спешим за ушедшими вперёд товарищами, но песня догоняет нас и долго тянется за нами — тоскливая и бесшабашная.

Взбираемся на следующую горку. Вершина закрыта кустами. У кустов стоит Женя и загораживает проход.

— Ну, что же ты стал? Проходи.

— Да вы посмотрите, что делается!

Кругом до горизонта — синие-синие колыхающиеся волны. Васильки. И среди этой густой синевы — огромный розовый монастырь с колокольней, бойницами в высоких стенах и сводчатыми воротами.

У края василькового поля отдыхают наши.

с. 122 Долго смотрим на эту неожиданную красоту, потом девочки бросаются к василькам, а Женя с Николаем идут в монастырь. Они узнают, что это бывший Никитский монастырь, теперь машинно-тракторная станция.

— Эти стены в Смутное время осаждали польские войска под началом Сапеги, — говорит Слава. — Они тогда вырезали весь монастырский гарнизон.

— Какой гарнизон?

— Ну, охрану. Она была составлена из монастырских мужиков. Монастыри ведь раньше большими землями владели. Деревня Коровино совсем погибла, поляки разрушили её, и место, на котором она стояла, обратилось в пустошь. Только сейчас, при советской власти, эта пустошь стала заселяться.

— А васильки, — говорит А. Я., — результат прошлогодней засухи. Озимые не взошли, и на их месте выросли сорняки.

Синие венки на головах у всех девочек.

Мы долго ещё пробираемся через кустарники, взбираясь на холмы и спускаясь с них. Все уже устали и радуются, когда А. Я. показывает нам на зелёную гору вправо и говорит:

— На том валу отдохнём.

До вала ещё порядочно, и пока мы подходим к нему, ребята совсем «выдыхаются».

— Взять высоту приступом! — командует А. Я.

Вал крутой, но под оглушительное «ура» мальчиков я взлетаю наверх совсем легко.

Ребята валяются на траву и осматриваются кругом.

Мы на гребне высокого, почти круглого вала. На нём нежным ситцевым узором пестреют кашки, гвоздички, колокольчики. Внутри вала разбит огород, там зеленеет пышная ботва моркови.

— Привал, — говорит А. Я. — Долго отдыхать не придётся, небо-то темнеет.

По другую сторону вала появляется человек. Он долго всматривается, затем, очевидно боясь за целостность огорода, направляется к нам. Это сторож. Он сердито расспрашивает нас, кто мы и откуда, и когда узнаёт, что мы хотим только отдохнуть здесь, успокаивается.

— Ну что ж, тут у нас на валу отдыхать хорошо. Воздух здесь вольный. Наш вал и пчела любит.

— Вы сами откуда? — спрашивает Слава Арканов.

— А вот село Городище. Колхоз наш. И огород колхозный.

— Вы знаете, что это вал бывшего города Клещина?

— Это нам известно. Был здесь город Клещин. Богатый, большой город. И озеро раньше Клещиным называлось. Вон на валу-то проломы видите? Это были ворота.

Следы бывших ворот видны ясно с каждой стороны вала.

— Ну, историки, что знаете о Клещине? — спрашивает А. Я.

Венедикту обидно, что Слава всегда выступает как историк, и он торопится начать первый:

— Древний город Клещин был очень удобно расположен. Он лежал на узле торговой дороги. Клещинские купцы по Плещееву озеру, по Вёксе добирались до озера Сомина, через Большую Нерль попадали на Волгу и торговали с волжскими городами. Через реку Трубеж, Берендеево озеро, Киржач и Клязьму из Клещина ездили на Оку. По этому пути шла торговля с арабами и болгарами. Сюда тоже много приезжало купцов. Высокий берег Сомина озера назывался Селятино-Торговище. Там торговали приезжие гости. Раньше купцов звали «гостями». Ездили сюда новгородские, тверские, смоленские купцы. Кроме того, Клещин был хорошо укреплённой крепостью. Князь Юрий Долгорукий основал новый город на устье Трубежа, создал там большую крепость. Этот город и «переехал славу» Клещина и стал называться Переславлем.

— Э, постой, — говорит Толя, — сам рассказывал по-другому! Будто город назвали в память победы русского богатыря над печенегами.

— Правильно, — говорит Арканов, — в летописи сказано: «Понеже отрок русский перея славу от печенегов», но это относится к Переяславлю южному, называемому теперь Переяслав.

— Огород занимает одну целую и семьдесят пять сотых га, — объявляет Квадратный.

— Значит, такого же размера была крепость, — говорит А. Я.

— Такая маленькая? Сколько же там народу могло жить?

— Не забывайте, что кругом были посады. И село Городище было когда-то посадом Клещина.

Я слушаю и стараюсь представить деревянный город с непонятной, неизвестной жизнью. И вдруг резко вздрагиваю от пронзительного крика:

— Татары идут!

Юлька успел незаметно скатиться вниз и теперь поднимается на вал размеренным маршевым шагом, с огромной дубиной наперевес.

После разговоров о старине, под сизыми облаками маленький Юлька кажется почему-то страшным — так грозно выкрикивает он якобы «татарские» слова, так ритмично шагает, так хитро и свирепо блестят его узкие глаза!

— А похож на татарчонка! — смеются ребята.

— Только об осаде татарами Клещина исторических сведений нет, — говорит Слава.

— А на Переславль татары напали? — спрашивает Оленька.

— Да, не раз Переславль был разорён татарами, — отвечает Слава. — И в один из таких набегов переславцев спасло озеро.

— Озеро? Каким образом?

с. 123

с. 124

— В 1382 году войско татарского хана Тохтамыша подступило к городу. Жителей ожидала неминуемая гибель. Но переславцы на плотках и лодках выехали на середину озера. Они видели, как горели их дома, церкви и крепостные стены города, на их глазах разрушался Переславль. Но самих переславцев татары истребить не сумели: у них не было лодок, чтобы гнаться по озеру за русскими. Так переславцам удалось спасти свою жизнь и то имущество, которое они наспех захватили с собой. Вот какую службу сослужило озеро Переславлю.

— Оно всей нашей стране сослужило немалую службу, — отзывается Веня. — Ведь на нём начал развиваться и расти русский флот.

с. 125

— Вообще историческое значение этого края очень велико, — говорит А. Я. — Ведь Переславль многие считают родиной Москвы. Основал Москву суздальский князь Юрий Долгорукий, основавший и Переславль. Окрепла и развилась Москва на том наследстве, которое получила от Переславля. Князь переславский Иван Дмитриевич, могилу которого мы видели в Спасском соборе, завещал, умирая, Переславское княжество Москве. Скоро мы будем праздновать восьмисотлетие Москвы, и не нужно забывать, что скромный Переславль был колыбелью нашей великой столицы.

Тучи сильно сгущаются, и А. Я. торопит нас, чтобы успеть до дождя прийти в Криушкино.

У подножия вала множество каких-то ям, окружённых едва приметными, заросшими насыпями. Долго обсуждаем, что это может быть.

— Землянки были! — кричит Юлька.

— Вернее, могильники, — говорят «историки».

А. Я. говорит, что это курганы, где погребались воины — дружина — и купцы. Они все были раскопаны. Здесь находили оружие, железные топоры, каменные молотки, бронзовые украшения.

Проходим Александрову гору. Это не слишком высокая и ничем не примечательная с виду гора. Голое место на ней зовётся Ярилиной Плешью. Эта гора была тоже разрыта, и здесь нашли остатки капища бога Ярилы, а над ним — построенный позднее христианский храм. Интересно, что христиане ставили свои храмы и монастыри на местах прежних языческих служений. Там, где раньше славили весёлого бога Ярилу, позднее раздавались печальные песнопения и измученные постом монахи били поклоны.

с. 126

— Здесь на берегу должен лежать синий камень, — говорит А. Я. — Около него тоже когда-то молились Яриле и бездетные женщины просили себе у бога детей.

Камень виден издали. Мы бежим к нему по неровной меже среди густых нежных овсов, и сверху нас опрыскивает тоже густой и нежный дождик.

Камень огромный и действительно синий, вернее сизый. Угрюмо он выглядит здесь, на ярко-зелёном берегу.

— Интересно, что за порода? Надо отбить кусочек.

Мальчики начинают работать геологическими молотками, но камень не поддаётся. Жучок пускает в дело топор, но удаётся отколоть только крохотные кусочки.

— Крепкий какой! — удивляется Юлька. — И ведь кругом таких камней больше нет. Откуда он тут взялся? С неба свалился, что ли?

— Ледником принесло, — решаю я. — Конечно, принесло ледником откуда-нибудь с севера, из Финляндии. А порода-то, верно, лавовая.

Слава рассказывает, что прежде этот камень лежал на горе.¹ В XVIII веке его спустили вниз, чтобы сделать из него фундамент церкви. Но камень упал в озеро и долгое время не был виден. Постепенно весенние льды вынесли его на берег.

Мы стоим под дождиком у камня, и я думаю о том, как сходились сюда женщины, пели, клали дары на камень и просили себе здоровых и красивых детей. Я до того задумываюсь об этом, что мне начинает казаться, будто где-то поблизости плачет ребёнок. Плачет и жалобно выговаривает: «Уа, уа...»

— Да, в самом деле плачет! — говорю я.

— Чего же ты удивляешься? Дождик его мочит, вот он и плачет, — отвечает Оленька.

Я оборачиваюсь. К нам подходит румяная молодая женщина. На руках у неё завернутый в пёстрое одеяльце аккуратный, сытый младенец.

Вот они какие рождаются и без синих камней!

— Не криушкинская? — спрашивает женщину А. Я.

¹ Камень лежал на высоком берегу Борисоглебской слободы, которая находится ближе к Переславлю. — *Ред.*

— Из Криушкина. В Переславль ходила, да вот дождик застал.

— Ну, мы за вами пойдём. Нам тоже в Криушкино.

Молодая мамаша семенит по тропке. Приходится влезать на высокую гору, ноги скользят по вязкой глине. Юлька падает. Надя сползает вниз и снова с трудом взбирается. Дождь всё сильнее и сильнее хлещет нас и наконец превращается в ливень. Молодка, накинув верхнюю юбку на голову, бежит и скрывается за домами.

с. 127

Мы входим в деревню мокрые, грязные, и в двух домах, где просим приюта, нам отказывают.

— Нет, и платы вашей не надо. Только что полы вымыли, а вы сколько грязи натащите!

В третий дом нас впускают. Дом чистый, и полы тоже недавно вымыты, но хозяйка говорит:

— Как же быть-то? Обсушиться да отдохнуть надо людям.

В тёплой просторной избе делается шумно.

— Ой, никогда у нас не было такого крику! — изумлённо качает головой девушка, хозяйская дочь.

Мы развешиваем своё мокрое платье, достаём из рюкзаков сухие вещи и располагаемся на отдых.

— Кто будет стряпать?

— Только не Олег!

— Муза! Муза пусть распорядится!

— Нет, я без Олега стряпать не буду. Пусть помогает. Надо ему наконец научиться варить макароны.

Муза прекрасный завхоз. Она моментально достаёт у хозяйки молока, яиц, вынимает из мешков посуду, хлеб, масло, макароны, сухой кисель, взятые с собой. Начинается растопка печи.

Я с Александром Яковлевичем и Толей выхожу на улицу. Дождь прошёл. Белые деревенские гуси важно шлёпают по лужам. Ребята, попрытавшиеся от дождя по домам, снова начинают перекликаться.

Деревня большая и чистая. Дома крепкие, исправные, крыты тёсом, не такие кривые и тёмные, как в Соломидине. Криушкино — богатый колхоз.

— Криушкино! — говорит А. Я. — А есть в этих краях деревня Половецкая, есть деревня Словеново, есть речка Вятская. Все они приходили сюда — вятичи, кривичи, половцы, славяне, или словены.

Не успеваем мы дойти до конца улицы, как Юлька бежит к нам:

— Кушать подано!

В избе накрыт стол, и ребята со своими мисками и ложками толпятся около Музы. Никто не хочет уступить своей очереди, каждый кричит, что он первый. Муза не знает, что ей делать, но потом вскакивает на табурет и, размахивая большой деревянной ложкой, кричит:

— Никого кормить не буду, пока не сядете на места! Раздавать буду по порядку!

с. 128

Макароны, яйца и кисель с молоком съедаются мгновенно.

После обеда я, Галя и Оленька ложимся на нары и сладко засыпаем на голых досках. Ноги тихо ноют, расслабляет парная теплота избы. На печке, на лавках, на полу спят ребята.

Я просыпаюсь часов в семь от Юлькиного крика. Он прыгает на одной ноге и кричит «на весь мир»:

— Сегодня! Сегодня! Да, папа? Ой, Александр Яковлевич!

Оказывается, ребята, проснувшись, заявили А. Я., что прекрасно отдохнули и хотят возвращаться в лагерь не завтра, а сегодня.

Действительно, как будто вся усталость прошла, чувствую я себя превосходно. Конечно, надо идти домой сегодня. Зачем ночевать в душной комнате, на досках, когда к ночи можно прийти в родной лагерь, вытянуться на пахучем сеннике и перед сном видеть звёзды? А какой сюрприз будет маме и остальным ребятам! Мы так пристаём к Александру Яковлевичу, что он наконец сдаётся.

С песней выходим из села. Весь обратный путь очень спешим, и каждому хочется показать, что он не устал нисколько. Проходим сосновый лес, посёлок Кухмырь, идём по берегу озера, где ивовые кусты вплотную подходят к воде и тропинка мечется из стороны в сторону, пробиваясь через гущину веток. Мокрый ивняк хлещет по лицу, по ногам, и мы, скинув обувь, идём прямо по воде. Потом опять уходим в лес, густой и болотистый,

и Женя Савченко предлагает назвать его Переславской тайгой. Миновав «тайгу», выходим на знакомые места — эстакада, Вёкса, пионерский лагерь.

Уже в темноте, совсем близко от дома, нас нагоняет грузовая машина. Мы без всякой надежды, на всякий случай поднимаем руки.

— Всё равно не возьмёт, — бормочет Галя.

Но шофёр останавливается:

— Куда?

— Недалеко: до Куротни.

— Садитесь!

Вот это удача!

с. 129 Мы высаживаемся на дороге в стороне от лагеря. Наш очаг пылает, и я вижу, как мама, заслонив глаза от огня, старается рассмотреть, кто подходит.

— Стой! Кто идёт? — кричат дежурные.

— Свои! — отвечаем мы дружно, а Юлька, подбежав к маме и вытянувшись по-военному, рапортует:

— Анна Ивановна, разрешите доложить, что доблестные участники экспедиции рекордно выполнили план, совершив в один день двухдневный переход и покрыв расстояние в тридцать километров.

Глава XXI. Прощай, озеро!

Последний день лагерной жизни проходит в окончательной обработке дневников и отчётов. Уезжать не хочется — хоть плачь. Бродим какие-то растерянные, обед у нас запаздывает, мёртвый час затягивается, и мы просыпаемся, когда уже начинает смеркаться.

Кто-то старательно бьёт в гонг. Кажется, что вечерний воздух дрожит от звенящих ударов.

Выскакиваем из палаток и ничего не можем понять. Какой-то нелепый великан расхаживает по лагерю и бьёт куском железа в большую сковороду. Бежим к нему, но он увёртывается. Однако проснувшиеся мальчики загораживают «великану» путь, и наконец удаётся изловить его. Это весьма сложное существо.

Прежде всего это Коля Белов, завёрнутый в одеяло так, что ног не видно. На плечах у него сидит Юлька. Юлькина голова продета в разорванное дно нашей посудной корзины, и весь он закрыт вторым одеялом. Оно скрывает голову Белова, и получается длинный дяденька с огромными плечами, толстым туловищем и крохотной головой.

— Собираться на последнюю беседу! — кричит Юлька. — Окончательное прощанье с лагерем! Заключительное слово товарища Стебелькова!

Последняя беседа длится долго. Мальчики зажигают с пяти сторон огромный костёр, и стройное пламя поднимается к звёздному небу. Ночной голубок, козодой, урчит в кустах: «урр-урр-орр...»

с. 130 — Я доволен вашей работой, — говорит А. Я., после того как ребята докладывают ему, какие отчёты и коллекции везут с собой. — Вы занимались своим делом горячо, радостно, без равнодушия. Каждый из вас приобрёл много новых знаний. Но скажите мне, ещё чему-нибудь выучились вы в лагере?

— Конечно! Разбивать палатки!

— Правильно складывать дрова для костра, разжигать его! Это дело нелёгкое.

— Не бояться комаров! Помните, первые дни как мучились? Ходили искушенные, расчёсывали ноги и руки до крови, а теперь и укусы не чувствуются и следов от них не остаётся.

— Кроме того, — серьёзно говорит Жучок, — я научился наконец варить макароны.

— А Валентин, — подхватывает Муза, — научился есть всё, а не ковыряться в тарелке и не гримасничать, как он делает дома.

— Ваня Семин хоть и уехал от нас, а, наверно, тоже кое-чему выучился, — говорит Толя и, неожиданно повернувшись ко мне, спрашивает: — А ты почему молчишь? Ты ведь всегда самые горячие речи произносишь. Скажи, что ты узнала в лагере?

— Не я, а все мы узнали много замечательных вещей. Узнали, что такое ночная гроза и рассвет на озере. Узнали, что можно пройти тридцать километров в один день

и не жаловаться на усталость, не ныть. А ещё очень важно, что мы узнали друг друга и подружились хорошо и крепко.

— Я хотел, чтобы ты именно это сказала, — говорит Толя так тихо, что слышу только я одна.

Едва начинается рассвет, как мы все на ногах. Разбираются палатки, складываются вещи, и вот мы бродим по «бывшему лагерю».

Я заглядываю в последний раз в лесок, на Куротню. Всё останется по-прежнему: кусты будут так же шелестеть, и кузнечики стрекотать, и дрожать звёзды, а нас не будет.

— Ребята, идёте попрощаемся с озером! — зовёт Квадратный.

Озеро медленно розовеет и загорается, но утренняя пелена ещё не сползла с него. Коля вскакивает на плот и, отпихиваясь шестом, быстро отплывает от берега. Мы молча смотрим на озеро, разговаривать не хочется. Плот удаляется. Николай стоит на нём, опираясь на шест и опустив голову.

— Как рыцарь, — шепчет Галя.

Коля опускается на колени и, протянув руки, наклоняется к воде.

— Честное слово, сейчас воду поцелует! — говорит Олег. — Побрызгать его надо на прощанье.

Олег схватывает камень и бросает в озеро, за ним Валя, Юлька, Веня. Сверкающие брызги будят сонную гладь.

Николай возвращается весь мокрый, но не сердится.

— Уж очень ты церемонно прощался! — говорит ему Жучок.

— А тебе разве не жаль озера?

— Жаль. Хоть бы одним бережком оно заглянуло к нам в Москву.

Вскоре приезжает подвода. Нагруженная нашим имуществом, она медленно скрипит по дороге. Мы идём за ней и всё время оглядываемся на место, где был лагерь.

На автобусной станции уже ждёт грузовик. Едем по другой дороге — шестьдесят шесть километров до Загорска.

Георгий Иванович по дороге щёлкает аппаратом, чтобы сберечь на память ещё кусочек поля, ещё бегущее облако, тёмную часовню в лесу, где, как говорят, когда-то была граница Переславского княжества, хотя А. Я. объясняет, что настоящая граница была гораздо дальше.

Уже в поезде, недалеко от Москвы, Бессонов говорит мне:

— Как бы хотелось, чтобы от нашей жизни на озере остался какой-то след! Наши доклады, отчёты, карты покажут всё, что мы узнали на озере, но того, что мы чувствовали, в них не будет.

А. Я. слышит этот разговор.

— А мы, — говорит он, — заставим Тоню подробно описать всё наше путешествие. Что она забудет, то ей напомнят дневники ребят. Ведь она у нас пишет потихоньку стихи и рассказы. Правда, Тоня?

Откуда он узнал? Я смущаюсь и не знаю, что сказать.

— Ну же, Тоня! — шепчет Анатолий.

— Попробую, — говорю я.

— А будущим летом, — продолжает А. Я., — если соберём средства, организуем экскурсию на Алтай. Кто поедет?

Все руки поднимаются. Все поедут. Все хотят видеть новые края чудесной нашей земли.

Ребята строят планы новых путешествий, засыпают А. Я. вопросами.

— Знаешь, — говорю я Толе, — у меня дух захватывает, когда я подумаю, сколько на земле чудес. И ведь если захотеть как следует, всё это можно увидеть, понять, изучить.

— Давай помолчим минутку, — говорит он. — Представим себе, что мы с тобой опять на озере.

Я смотрю в его коричневые радостные глаза, и мне кажется, что надо мной плывут тяжёлые сияющие облака, качаются огненные, в закатных лучах, словно освещённые изнутри, стволы сосен, дрожит, светится и смеётся прозрачная тихая вода.

с. 132

с. 133

Географический указатель

Александрова гора	54	Лыбедь река	9
Америка Северная	9	Москва город ...	3, 5, 6, 13, 37, 49, 54, 57
Архангельск город	39	Нерль Волжская река	31, 39, 53
Белое море	39	Ока река	9, 53
Берендеево озеро	8, 53	Отдых станция	3-5, 13
Берендеево станция	8	Памир гора	3
Ботик усадьба	10, 38, 39	Плещеево озеро 3, 5, 9-11, 14, 21, 24, 26, 36-39, 50, 51, 53, 54	
Веслево деревня	42, 43, 48	Половецкое деревня	55
Веськово село	38-40	Польцо урочище	37
Вёкса река ..	15, 29-31, 34-36, 39, 53, 56	Почайна река	9
Владимир город	9	Рыбная слобода	13, 26
Волга река	4, 31, 39, 49, 53	Рязань город	9
Волгино Верховье село	4	Сегозеро озеро	50
Выгозеро озеро	50	Селигер озеро	4
Голландия	39	Сиваныч ручей	30
Городище село	53	Соловеново деревня	55
Гремяч гора	38, 39	Соломидино село	23, 42, 43, 46, 55
Днепропетровск город	15	Сомино озеро	31, 39, 53
Загорск город	57	Сосенка ручей	15
Звенигород город	9	Сталинград город	15
Киев город	5, 9	Трубеж река	9, 15, 26, 31, 39, 53
Киевка река	9	Украина	9, 15
Киево село	9	Усолье село	36
Киевцы деревня	9	Щелканка деревня	47
Киржач река	53	Ярославль город	52
Клещин город	53	Яуза река	38
Клязьма река	53		
Коровино деревня	52		
Кратово посёлок	3		
Криушкино деревня	14, 54, 55		
Купань село	14		
Куротня ручей ..	11, 12, 14, 15, 20, 24, 27		

Именной указатель

- Александр Невский князь 32
 Анна Ивановна мама . 5, 7–13, 17, 18, 23, 35, 51, 56
 Анна колхозница (Соломидино) ... 43–48
 Арканов Вячеслав школьник 7, 15, 16, 23, 24, 26, 31, 38, 39, 49–54
 Белов Николай Н. школьник 6–8, 14, 19, 23, 24, 26, 28–34, 36, 38, 41–46, 48–53, 56, 57
 Бессонов Анатолий школьник 7–9, 11, 15, 20–24, 26–33, 35, 36, 40–43, 45, 46, 48, 50, 52, 53, 55–57
 Бунин помещик 48
 Васильков Юрий школьник 10, 15, 20–22, 24–26, 29, 30, 37, 46, 48, 52
 Венедикт школьник 3, 5–7, 9, 12, 13, 16–19, 23, 24, 26, 32, 36, 40, 50, 51, 53, 54, 57
 Веселов Валентин школьник .. 11, 12, 15, 16, 19, 23, 24, 30, 31, 33, 35, 36, 41, 48, 56, 57
 Веселова Муза школьница .. 7, 10, 19, 21, 23, 30, 35–37, 48, 50, 51, 55, 56
 Галкин Г. И. фотограф . 37–40, 49, 51, 57
 Делла-Вос-Кардовская О. Л. художница 50
 Егорова член райкома комсомола 17
 Жуков Олег школьник 5–8, 14, 15, 18, 19, 23, 25, 27–32, 34, 39, 40, 42, 43, 48, 49, 51, 54–57
 Иван Дмитриевич князь 54
 Иванов К. И. директор музея 39, 41
 Касаткин Н. А. художник 50
 Козлова Галина школьница 5–11, 17, 20–23, 25, 27, 29, 30, 33, 35, 38, 39, 42, 45, 50, 52, 55–57
 Коровин К. А. художник 50
 Красногорская Ольга школьница ... 3, 4, 7–9, 11–13, 16, 17, 19, 20, 26, 29, 30, 33–35, 37, 48, 50, 53, 55
 Красногорский врач 3, 6
 Крупская Н. К. педагог 47
 Лансере Е. Е. художник 50
 Маврин Александр школьник 12
 Маркова Надежда школьница .. 7, 13, 19, 20, 24, 28, 32, 42, 43, 48, 51, 55
 Мусатова Маргарита школьница 48
 Нансен Ф. зоолог 41
 Николай Егорович председатель 47
 Папанин И. Д. полярник 3
 Пётр I царь 5, 38, 39
 Пришвин М. М. писатель ... 8, 24, 25, 37
 Ромодановский Ф. Ю. князь 39
 Рюмин Сергей школьник 19, 24, 26, 28, 29
 Савченко Евгений школьник 6, 12, 15–17, 19, 24, 26–29, 32, 36, 38, 52, 56
 Сапега Я. П. воевода 52
 Саранская Наталья школьница . 7, 14–16, 20, 23, 27–29, 45, 51
 Семён Иванович колхозник 48
 Сёмин Иван школьник 6, 16, 19, 23, 26–29, 56
 Скопин-Шуйский М. В. воевода 24
 Смирнов М. И. историк 49
 Стебельков Юлий А. школьник ... 3, 5, 6, 8–13, 15, 16, 18, 24, 25, 27, 28, 30, 32, 34–37, 41, 46, 49–51, 53–57
 Тохтамыш хан 54
 Черномор музейный работник 38–41
 Шустов Игорь С. школьник 7, 16, 20, 24, 26, 30, 35, 41–43, 48
 Шустов Олег С. школьник 7
 Шустов С. И. родитель 7
 Юрий Долгорукий князь 5, 10, 24, 53, 54
 Ярила бог 54

Предметный указатель

автобус	8	орлан белохвост	50
болото	32	пионерский лагерь	12
вагонетки торфяные	32	Пушкарский приказ	39
васильки	52	райком комсомола	12, 17
верёвка	18	рыба	13
водопровод	9	рынок	18
густера	32	ряпушка	24, 50
дневники экспедиции	18	стоянка археологическая	35, 37, 49
живучка обыкновенная	24	торф	32, 33
корзина	32	узкоколейная железная дорога	10, 15
корова	22	«Фортуна» ботик	38, 39
коршун	30	церковь	
«Красное эхо» фабрика	9	Горицкий монастырь	10, 38–41, 48–50
курганы	54	Крест часовня	57
курная изба	50	Никитский монастырь	52
лапти	51	Спасо-Преображенский собор	10, 51, 54
лебедь	50	цыгане	52
магазин	18, 51	чибис	19
медведь	25	щенок	26, 28
музей	10, 24, 26, 40, 41, 50		
«Новый путь» колхоз	43		

Список иллюстраций

1. Это вовсе не овраг, а река Трубеж, впадающая в Плещеево озеро. — С. 15.
2. Древний храм Спасо-Преображения, построенный в 1152 году. Он белый, весь словно точёный. — С. 17.
3. Каша лесная, кочевая. Она должна костром пахнуть. — С. 23.
4. Сроки икротетания рыб в Плещеевом озере. Работа Жени Савченко. — С. 26.
5. Мы так быстро привыкли к своему лагерю, словно жили в нём всё лето. — С. 29.
6. Долина озера. Карту нарисовал Толя Бессонов. — С. 31.
7. Около Ботика берега озера заболочены. — С. 31.
8. Геологический профиль Плещеева озера. Работа Коли Белова. — С. 33.
9. Ботаники работают над гербарием. — С. 35.
10. Рыболовная команда тащит бредень. — С. 37.
11. Каждый вечер ребята читают вслух свои дневники. — С. 41.
12. Табличка из дневника погоды. Работа Музы Веселовой. — С. 43.
13. Юра старается изо всех сил. — С. 45.
14. Глава зоологов Игорь Шустов. — С. 47.
15. Толя и Юра остались у костра. — С. 50.
16. С утра мы работаем над дневниками, лёжа в стороне от палаток. — С. 53.
17. Какой плотнице получился! — С. 55.
18. Карта предполагаемой миграции ряпушки. Работа Вени Рыбакова. — С. 61.
19. Геологи работают на карьере. — С. 63.
20. В этот день все торопятся завтракать. — С. 69.
21. В нескольких местах измеряется глубина реки. — С. 73.
22. Оленька рвёт цветы всюду, куда бы мы ни пошли. — С. 79.
23. Муза с утра предсказывает дождь. — С. 81.
24. Копать почти не приходится. — С. 83.
25. Получилась интересная и большая коллекция. — С. 85.
26. Только этот бот и уцелел от знаменитой петровской флотилии. — С. 89.
27. Мы осматриваем монумент Петру Великому. — С. 93.
28. Ребята ходили по деревням. — С. 99.
29. Бабушка Анна. — С. 102.
30. Наступающий день будет чудесным. — С. 107.
31. Ребята взобрались на звонницу. — С. 113.
32. Этот деревянный истукан, очевидно, служил украшением лодки. — С. 115.
33. Птицы совсем как настоящие. — С. 117.
34. Схема направления ветров в районе Плещеева озера («роза ветров»). Основные ветры западного направления. Работа Музы Веселовой. — С. 118.
35. Карта водных путей к Москве. Составил Слава Арканов. — С. 124.
36. Старая карта Северно-Ямской дороги. Рисовал Слава Арканов. — С. 125.
37. Прощальный путь до Загорска. — С. 130.
38. Плещеево озеро. Диаграмма похода. — С. 131.

Оглавление

Глава I.	Мы собираемся	3
Глава II.	Наш А. Я.	4
Глава III.	Мы уезжаем	5
Глава IV.	Ехали и приехали	7
Глава V.	Все знакомы	9
Глава VI.	Наш лагерь	10
Глава VII.	Первый вечер	12
Глава VIII.	Мы живём	14
Глава IX.	«Верёвка — вервие простое»	16
Глава X.	Дневники и ребята	18
Глава XI.	Ночное дежурство	20
Глава XII.	«Тихий» день	23
Глава XIII.	Срыв	26
Глава XIV.	Вёкса	29
Глава XV.	Второе открытие Америки	34
Глава XVI.	Ботик	37
Глава XVII.	По деревням	41
Глава XVIII.	Рассказ бабушки Анны	46
Глава XIX.	Музей	49
Глава XX.	Поход вокруг озера	51
Глава XXI.	Прощай, озеро!	56
Географический указатель		58
Именной указатель		59
Предметный указатель		60
Список иллюстраций		61